

КАТЕДРА БОГОСЛОВІЯ

ВЪ АНТИОНОВЪМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Біографическій Словарь

профессоровъ и преподавателей.

Видографскій Словарь

иероскопъ и иероскопическй

КАФЕДРА БОГОСЛОВІЯ

ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ¹⁾.

По университетскому уставу 1804 года, въ отдѣленіи (т. е., факультѣ) нравственныхъ и политическихъ наукъ были поименованы двѣ кафедры: а) богословія догматическаго и нравоучительнаго и б) толкованія св. писанія и церковной исторіи. Обѣ эти кафедры во всѣхъ російскихъ университетахъ обыкновенно занимало одно лицо — профессоръ богословія.

Хотя по уставу 1804 года не требовалось никакой ученой степени и даже ученаго имени отъ кандидата на должность профессора богословія въ русскихъ университетахъ, тѣмъ не менѣе около 15-ти лѣтъ кафедра богословія въ Харьковскомъ университетѣ оставалась незанятою «за неимѣніемъ достойныхъ кандидатовъ».

Въ 1806 году какой-то евангелическій пасторъ въ Помераніи Вильде одновременно просилъ попечителя округа и совѣтъ университета опредѣлить его на должность профессора православнаго богословія въ Харьковскомъ университетѣ, увѣряя, что «не только любовь къ наукамъ и возвышенность души всемилостивѣйшаго, августѣйшаго и могущественнѣйшаго Императора и Самодержца, но также и личное знакомство, бывшее у него съ нѣкоторыми принцами изъ владѣтельнаго Ганноверскаго дома, преисполнили его, уже въ зрѣломъ, но еще не преклонномъ возрастѣ находящагося, такую благоговѣйною любовію къ Александру, что и онъ, какъ бы російскій подданный, желалъ бы служить русскому Самодержцу». Совѣтъ университета не нашелъ возможнымъ опредѣлить пастора Вильде профессоромъ православнаго богословія потому, что «иностранецъ не можетъ быть профессоромъ богословія въ русскомъ университетѣ».

¹⁾ Кромѣ различныхъ документовъ харьковскаго университетскаго архива, при составленіи этой замѣтки мы пользовались еще историческою запискою проф. Амф. С. Лебедева — „Кафедра богословія въ Харьковскомъ Университетѣ“. Харьков. 1896.

Забываясь о религіозно-нравственномъ воспитаніи студентовъ Харьковскаго университета и желая восполнить какъ-либо недостатокъ богословскаго образованія у нихъ, попечитель округа *З. Я. Карнѣвъ* рѣшилъ даже временно возложить какъ бы обязанности профессора православнаго богословія на инспектора студентовъ и его помощниковъ. 21-го мая 1817 года онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ инспекторъ неопустительно предъ литургією собиралъ въ залъ всѣхъ студентовъ и читалъ имъ по главѣ изъ Евангелія и Апостольскихъ Посланій, присоединяя хотя краткое объясненіе прочитаннаго.

Но, должно быть, инспекторъ студентовъ былъ плохимъ замѣстителемъ профессора богословія; по крайней мѣрѣ, и двухъ недѣль не прошло, какъ тотъ же самый попечитель Карнѣвъ пригласилъ (2-го іюня 1817 г.) протоіерея *Аванасія Могилевскаго*, въ свободное для него время, именно—въ 8 часовъ утра предъ литургією, въ самомъ каѳедральномъ соборѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ вести со студентами бесѣды религіознаго содержанія.

Скоро, впрочемъ, послѣ этого само министерство народнаго просвѣщенія рѣшило серьезно озаботиться преподаваніемъ православнаго богословія въ Харьковскомъ университетѣ. 31 мая 1819 года министръ народнаго просвѣщенія предложилъ попечителю округа, «по сношенію съ мѣстнымъ преосвященнымъ архіереемъ», избрать «изъ духовныхъ особъ» достойнаго кандидата на должность профессора богопознанія и представить ему на утвержденіе; что же касается самой программы преподаванія, то въ томъ же «предложеніи» министръ писалъ, что, «согласно общепринятому на всѣ университеты положенію, уроки богопознанія должны быть продолжаемы во весь курсъ ученія, такъ чтобы всѣ студенты, доколѣ пребываютъ въ университетѣ, участвовали всегда въ сихъ урокахъ».

Согласно рекомендаціи бывшаго въ то время харьковскаго архіепископа *Павла* и избранію попечителя округа *Карнѣва*, профессоромъ богословія въ Харьковскомъ университетѣ былъ назначенъ (16-го августа 1819 года) вышеупомянутый каѳедральный протоіерей *Аванасій Могилевскій*, отличавшійся *особливымъ благочестіемъ*.

1. **Могилевскій** протоіерей Аванасій Григорьевичъ, род. въ 1774 г., съ 1789 по 1798 г. обучался въ Новгородѣ-Зверской (впослѣдствіи—Черниговской) семинаріи. По выходѣ изъ нея до окончанія курса онъ поступилъ помощникомъ столоначальника въ Θεодосійскую духовную консисторію. Когда Θεодосійская епархія была закрыта и архіерей ея, еп. *Хри-*

стофоръ, вмѣстѣ съ консисторіею былъ переведенъ въ новоучрежденную епархію Слободско-Украинскую (т. е., Харьковскую), *Могилевскій* былъ рукоположенъ во священника и назначенъ ключаремъ харьковского кафедральнаго Покровскаго собора (въ 1800 г.), затѣмъ членомъ харьковской консисторіи (въ 1801 г.) и возведенъ въ санъ протоіерея (въ 1804 г.). 11-го апрѣля 1811 года протоіерей *А. Г. Могилевскій* былъ опредѣленъ въ харьковскій коллегіумъ учителемъ высшаго краснорѣчія и сельской экономіи, а 15-го мая 1817 года — инспекторомъ коллегіума и профессоромъ философіи. Съ Харьковскимъ университетомъ *Могилевскій* вступилъ въ сношеніе еще съ 1813 г., когда онъ былъ избранъ членомъ Харьковского Университетскаго Общества наукъ. 16-го августа 1819 года министръ народнаго просвѣщенія, утвердилъ протоіерея *Могилевскаго* въ званіи профессора богопознанія и христіанскаго ученія. Съ 28-го мая 1828 года протоіерей *Могилевскій*, до выхода за штатъ (въ 1837 г.), состоялъ предсѣдателемъ общества наукъ при Харьковскомъ университетѣ, а съ 16-го августа 1829 года — деканомъ этико-политическаго факультета, а нѣкоторое время — даже и ректоромъ университета. Изъ печатныхъ трудовъ профессора *о. А. Г. Могилевскаго* извѣстны: 1. *Разсужденіе о поэзіи древнихъ евреевъ* (напеч. въ «Трудахъ Общества Наукъ»); 2. *Россійская реторика, основанная на правилахъ древнихъ и новѣйшихъ авторовъ*. 2 изданія. Харьковъ. 1817 г. и 1824 г.; 3. *О необходимости христіанскаго ученія. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковского университета 1820 г. августа въ 30 день*; 4. *О пользѣ, истекающей изъ чтенія священныхъ книгъ* (напеч. въ «Украинскомъ Журналѣ» за 1824 г.); 5. *Бесѣды о важнѣйшихъ истинахъ христіанскаго ученія, въ систематическомъ порядкѣ изложенныхъ, сказываемыя въ Харьковскомъ соборѣ*. Харьковъ. 1825 г. (Эти бесѣды были одобрены Св. Синодомъ) и 6. *Слова и рѣчи*. Харьковъ. 1845 г. (Въ этотъ сборникъ проповѣдей вошли и всѣ «Бесѣды»). — Даровитый отъ природы, но не получившій серьезнаго научнаго образованія, протоіерей *Могилевскій* не отличался ни глубиною мысли, ни увлекательностью изложенія своихъ лекцій, а потому и не имѣлъ вліянія на своихъ слушателей. Архіепископъ *Филаретъ* (Гумилевскій) такъ отзывается (въ «Обзорѣ рус. дух. лит.», изд. 3-е, 1884, стр. 470 — 471) о духовно-литературной и профессорской дѣятельности прот. *Могилевскаго* въ Харьковскомъ университетѣ: «его бесѣды объ истинахъ христіанскаго ученія и слова и рѣчи выставляютъ его разсудительнымъ и занимательнымъ; но устные бесѣды его были скучны для студентовъ, — говорилъ онъ вяло, сухо, утомительно. Это одинъ изъ примѣровъ тому, что можно сочинять и изла-

гать на бумагѣ мысли умно и пріятно и вмѣстѣ съ тѣмъ оставаться мало-способнымъ преподавателемъ; съ другими бываетъ наоборотъ: говорить увлекательно, а пишутъ плохо». Протоіерей *Могилевскій* занималъ кафедру богословія въ Харьковскомъ университетѣ ровно 19-ть лѣтъ и оставилъ ее не по собственному желанію. По новому университетскому уставу, отъ профессора богословія обязательно требовалась магистерская степень; а такъ какъ протоіерей *Могилевскій* не имѣлъ никакой ученой степени, то предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 1-го августа 1837 года онъ и былъ уволенъ отъ профессорской службы съ назначеніемъ ему въ пенсіонъ полнаго оклада жалованья по его профессорскому званію. На его мѣсто былъ опредѣленъ протоіерей о. *Іоаннъ Алексѣевичъ Зиминъ*.

Т. И. Буткевичъ.

2. **Зиминъ** Іоаннъ Алексѣевичъ профессоръ богословія въ Харьковскомъ университетѣ, *магистръ богословія*, протоіерей сынъ священника о. Алексѣя *Глѣбова*, родился въ 1789 году въ селѣ *Зиминъ* Михайловскаго уѣзда, Рязанской губерніи; отъ этого села онъ носилъ и свою фамилію. Сначала онъ обучался въ Рязанской семинаріи грамматикѣ, арифметикѣ, поэзіи, реторикѣ, всеобщей исторіи, географіи, философій, математикѣ, латинскому, греческому и французскому языкамъ, а потомъ, по требованію комиссіи духовныхъ училищъ, въ 1816 году былъ отправленъ въ Московскую духовную академію, въ которой и обучался высшимъ наукамъ — философскимъ, словеснымъ, всеобщей исторіи, богословскимъ, церковно-историческимъ и церковно-словеснымъ, и указаннымъ языкамъ, а 18 сентября 1820 года академическою конференціею возведенъ на степень магистра и опредѣленъ въ Харьковскій collegіумъ учителемъ церковной исторіи и французскаго языка; 23 декабря 1823 года преосвященнымъ архіепископомъ *Павломъ* онъ былъ рукоположенъ во діакона, а 25-го декабря того же года — во священника къ Харьковскому Успенскому собору; съ 12-го января 1827 г. по 1-е мая 1831 г. о. *Зиминъ* состоялъ законоучителемъ въ Харьковской гимназіи, а съ 1-го мая 1831 г. по 19-е ноября 1841 года — въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, 13-го октября 1831 года за преподаваніе закона Божія въ послѣднемъ заведеніи онъ былъ награжденъ, по повелѣнію Государя Императора, брилліантовымъ перстнемъ, а 27 апрѣля 1840 г. — наперснымъ крестомъ. 6-го ноября 1835 года о. *Зиминъ* былъ назначенъ ректоромъ духовныхъ училищъ, состоя въ то же время профессоромъ богословія въ Харьковскомъ collegіумѣ и членомъ духовной консисторіи. 8-го мая 1837 года, по особенной рекомендаціи профессора университета *И. В.*

Платонова (другъ Зимина по Московской академіи, однимъ только курсомъ старше его) и ходатайству Курскаго архієпископа *Иллїодора* (товарищъ Зимина по академіи), о. *Зиминъ* былъ опредѣленъ на должность профессора Харьковскаго университета по кафедрѣ догматическаго и нравственнаго богословія, церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія. 18 сентября 1845 года, по выслугѣ профессоромъ Зиминимъ 25 лѣтъ по учебной части, онъ былъ оставленъ на службѣ еще на пять лѣтъ. «Лекціи о. Зимина, по отзыву бывшихъ его слушателей, отличались простымъ, яснымъ изложеніемъ, выражали полную сердечную вѣру лектора въ то, что имъ излагалось; но для высшаго учебнаго заведенія онъ были нѣсколько элементарны, недостаточно обоснованы, а потому слушателей не вполне удовлетворяли; взамѣнъ того, убѣжденный преподаватель христіанскаго закона привлекалъ къ себѣ всѣхъ самою личностью своею, полною кротости и добросердечія». Послѣ профессора *І. А. Зимина* никакихъ ученыхъ трудовъ — ни въ печати, ни въ рукописи — не осталось; не сохранилось даже ни одной проповѣди. Прослуживъ второе пятилѣтіе (послѣ 25 лѣтъ службы по учебному вѣдомству), о. *Зиминъ*, согласно его прошенію, былъ уволенъ 27-го сентября 1850 года отъ службы въ университетѣ, гдѣ онъ занималъ кафедру богословія 14 лѣтъ. На его мѣсто былъ опредѣленъ протоіерей *Павель Исаевичъ Лебедевъ*.

Т. И. Буткевичъ.

3. Лебедевъ Павель Исаевичъ профессоръ богословія въ Харьковскомъ университетѣ, *магистръ богословія*, протоіерей родился въ 1807 году въ слободѣ Козловкѣ Бобровскаго уѣзда, Воронежской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. По окончаніи курса философскихъ наукъ (средняго отдѣленія) въ Воронежской духовной семинаріи въ 1823 году, онъ былъ отправленъ на казенный счетъ въ Кіевскую духовную академію для полученія высшаго духовнаго образованія. Изъ духовной академіи онъ былъ выпущенъ въ 1827 году магистромъ богословія и 12-го декабря того же года былъ опредѣленъ въ Харьковскій collegіумъ профессоромъ философскихъ наукъ. 17-го іюня 1834 года *П. И. Лебедевъ* былъ рукоположенъ во священника къ Харьковской гимназической Александро-Невской церкви, а 1-го августа того же года былъ назначенъ въ гимназію и законоучителемъ; 26-го сентября 1837 года онъ былъ возведенъ въ санъ протоіерея, а 18-го августа 1850 года, по рекомендаціи тогдашняго харьковскаго епископа *Филарета* (Гумилевскаго), былъ утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія въ званіи ординарнаго профессора богословія и соединенныхъ съ этою кафедрою философскихъ наукъ — логики

и психологiи въ Харьковскомъ университетѣ. Протоіерей *Лебедевъ* вступилъ въ университетъ 44 лѣтъ отъ роду и прослуживъ уже 24 года по учебному вѣдомству; вслѣдствіе этого въ 1852 году онъ подвергся баллотировкѣ для продолженія службы. На этотъ разъ онъ былъ избранъ членами университетскаго совѣта (41) *единогласно* для оставленія на кафедрѣ еще въ теченіе пяти лѣтъ. Но протоіерей *Лебедевъ* отличался всегда твердостью характера и независимостью взглядовъ, что многіе понимали, къ сожалѣнію, въ смыслѣ гордости и заносчивости. Это-то обстоятельство и было причиною того, что, когда, въ 1857 году, снова возникъ вопросъ объ избраніи профессора Лебедева на новое (второе) пятилѣтіе, онъ былъ забаллотированъ 17-ю голосами противъ 13-ти. Только по особому ходатайству ректора университета, а потомъ попечителя округа, протоіерей *Лебедевъ* былъ оставленъ на службѣ при университетѣ до 1-го іюня 1858 года, т. е., еще на одинъ годъ, по прошествіи котораго, предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія за выслугою срока, онъ былъ уже совсѣмъ уволенъ отъ службы при университетѣ, съ назначеніемъ ему положенной по закону пенсіи и единовременной выдачей 350 руб. серебр. изъ суммы сбора за слушаніе лекцій въ университетѣ.

«Бывшіе слушатели Павла Исаевича (по словамъ А. С. Лебедева) до сихъ поръ съ великою любовью и благодарностью вспоминаютъ талантливаго профессора, возбуждавшаго въ нихъ своими серьезными, полными мысли и разносторонняго знанія чтеніями, предлагавшимися притомъ всегда въ свободной, свѣтлой, какъ его умъ, и увлекательной рѣчи, живой интересъ къ предмету, которому дотолѣ университетскіе слушатели не удѣляли особеннаго вниманія, не усматривая въ немъ научнаго значенія. По отзыву его слушателей, онъ высоко поднялъ кафедру богословія въ Харьковскомъ университетѣ. Особенно нравились студентамъ лекціи его по христіанскому правоученію». Къ сожалѣнію, *П. И. Лебедевъ*, богословъ, безъ сомнѣнія, ученый и трудолюбивый, почти ничего не писалъ и не печаталъ, такъ что даже при погребеніи его профессоръ И. В. Платоновъ долженъ былъ сказать въ своей надгробной рѣчи: «Жалѣемъ, что ты не оставилъ намъ въ наслѣдіе своихъ высокихъ помысловъ и убѣжденій въ печати»... Собственно говоря, была напечатана только одна его «Рѣчь о томъ, что безъ религіи нѣтъ истины для ума, нѣтъ счастья для сердца, произнесенная на торжественномъ актѣ гимназіи». Иногда о. Лебедевъ при своемъ служеніи произносилъ (но никогда не печаталъ) проповѣди (не менѣе двухъ ежегодно). Наконецъ, извѣстно, что онъ участвовалъ въ переводѣ съ греческаго и отчасти латинскаго языковъ статей для «Памятника православной вѣры», который былъ предполагаемъ къ напечатанію архіепископомъ Иннокентіемъ (Борисовымъ),—но въ какой

степени проявилось участіе о. Лебедева и въ этомъ дѣлѣ,—никому не извѣстно. Послѣ Лебедева каѳедру богословія въ Харьковскомъ университетѣ занялъ протоіерей *Василій Ивановичъ Добротворскій*.

Г. И. Буткевичъ.

4. **Добротворскій** Василій Ивановичъ профессоръ богословія въ Харьковскомъ университетѣ, *магистръ богословія*, протоіерей сынъ священника села Будинова Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губерніи, среднее образованіе получилъ въ Смоленской духовной семинаріи, а высшее—въ Кіевской духовной академіи, въ которой въ 1847 году онъ окончилъ курсъ съ аттестатомъ перваго разряда и въ томъ же году (31-го октября) былъ опредѣленъ въ свою родную семинарію учителемъ логики и психологіи, а 26 апрѣля 1848 году былъ переведенъ въ Кіевскую духовную академію—учителемъ греческаго и французскаго языковъ. 4-го мая 1849 года В. И. Добротворскій былъ удостоенъ степени магистра богословія и назначенъ бакалавромъ по каѳедрѣ ученія о богослуженіи православной церкви, каноническаго права и предметовъ миссіонерскаго отдѣленія. 31 іюля 1858 года онъ былъ назначенъ законоучителемъ и преподавателемъ логики и психологіи въ Императорскій Харьковскій университетъ, а 29-го октября того же года возведенъ въ званіе ординарнаго профессора по каѳедрѣ богословія, логики и психологіи. Опредѣленный на должность настоятеля университетской церкви, о. Добротворскій былъ рукоположенъ во священника 13-го августа 1858 года, 19-го іюня слѣдующаго года возведенъ въ санъ протоіерея. Каѳедру богословія въ Харьковскомъ университетѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ, онъ занималъ по день своей смерти (12 сентября 1894 г.), т. е., 36 лѣтъ. Кромѣ преподаванія богословія въ университетѣ, профессоръ Добротворскій въ теченіи *пяти* лѣтъ (1862 по 1867 г.) издавалъ журналъ «Духовный Вѣстникъ» и оставилъ послѣ себя рядъ ученыхъ трудовъ:

Послѣ смерти профессора Добротворскаго редакціею «Богословскаго Вѣстника» были напечатаны его курсы «Основное Богословіе» и «Догматическое Богословіе», читанные студентамъ Харьковского университета. «Не вдаваясь въ подробности, они (по словамъ А. С. Лебедева) даютъ изложеніе лишь главныхъ основныхъ пунктовъ христіанскаго вѣроученія, — изложеніе краткое, но ясное и отчетливое, основанное на многихъ, но совершенно ясныхъ и прямыхъ мѣстахъ Св. Писанія, и сопровождаемое обстоятельнымъ разборомъ ученій, преимущественно новѣйшихъ (философскихъ, натуралистическихъ и теологическихъ) противорѣчащихъ излагаемымъ догматамъ».

Наконецъ, В. И. Добротворскимъ было произнесено и напечатано много (11-тъ) рѣчей и проповѣдей на 17-е января (день храмового праздника въ университетской церкви).

О В. И. Добротворскомъ, какъ человѣкѣ, профессорѣ, ученомъ труженникѣ и литераторѣ, профессоръ Харьковскаго университета А. С. Лебедевъ, близко его знавшій, дѣлаетъ слѣдующій отзывъ. «Цѣлыя 36 лѣтъ Василій Ивановичъ служилъ Харьковскому университету, пользуясь въ немъ, какъ профессоръ и священнослужитель, общою любовью и уваженіемъ какъ товарищей, такъ и учащихся, за его свѣтлый умъ, солидные знанія, честную душу, любвеобильное сердце. Искренне вѣрующій, онъ также любилъ и благоговѣнно чтилъ и науку; вѣра и знаніе сливались въ немъ въ одно просвѣтительное начало, въ силу котораго и былъ онъ такъ дорогъ университету. Чуждый узкой односторонности, онъ живо интересовался движеніями научной мысли въ разныхъ областяхъ знанія. А въ области своей специальности, постоянно и неустанно слѣдя за движеніемъ богословской литературы — русской и иностранной, — и самъ былъ усерднымъ дѣятелемъ, послуживъ дѣлу духовнаго просвѣщенія и преподаваніемъ, и печатными трудами, и изданіемъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, духовнаго журнала («Духовный Вѣстникъ», издававшійся съ 1862 по 1867 г.), весьма цѣннаго по обилію серьезныхъ научныхъ статей, помѣщавшихся въ немъ, въ томъ числѣ и статей самого издателя, а также и другихъ профессоровъ университета, сотрудниковъ журнала».

По смерти В. И. Добротворскаго, 12-го сентября 1894 года, министр народнаго просвѣщенія, графъ Деляновъ, назначилъ профессоромъ по кафедрѣ богословія въ Харьковскомъ университетѣ протоіерея *Тимофея Ивановича Буткевича*, «въ виду особенной рекомендаціи со стороны его высокопреосвященства, архіепископа харьковскаго и ахтырскаго Амвросія».

Его ученые труды: 1) *Богословскіе вопросы въ связи съ потребностями времени.* (Дух. Вѣст. 1862 г. январь). 2) *Краткія поученія протоіерея Родіона Пуяткина.* Критическая статья. (Ів. февраль). 3) *Пресвященный Иннокентій, архіепископъ Херсонскій, какъ проповѣдникъ.* (Ів. мартъ). 4) *О характерѣ прежняго періода нашей духовной журналистики и современныхъ ея задачъ.* (Ів. апрѣль). 5) *По поводу одного замѣчанія Н. И. Пирогова на проектъ общаго устава ИМПЕРАТОРСКИХЪ русскіихъ университетовъ.* (Ів. май). 6) *Дѣло христіанскихъ пастырей по отношенію къ народнымъ суевѣріямъ.* (Ів. іюнь). 7) *Одинъ изъ духовныхъ недуговъ въ современномъ образованномъ обществѣ.* (Ів. октябрь). 8) *Несторіанство и монофизитизмъ въ связи съ вѣрованіями и судьбами Востока.* (Ів. 1863 г. январь). 9) *Почтеніе для матеріалистовъ въ примѣръ святого апостола Θомы.* (Ів. апрѣль). 10) *Нѣсколько словъ о связи между вѣрою и наукою.* (Ibid. май). 11) *Замѣтки на книгу Ренана „Vie de Jésus“* (Ibid. 1864 г. январь). 12) *Обзоръ преподаванія въ богословскомъ факультетѣ Берлинскаго университета.* (Ів. ноябрь). 13) *Вопросъ о преобразованіи нашихъ духовно-учебныхъ заведеній съ точки зрѣнія*

исторіи и политическаго права. (Ibid. 1865 г. февраль). 14) *О религіозномъ органѣ въ душѣ человека.* (Ibid. октябрь, ноябрь и декабрь). 15) *Господь Іисусъ Христосъ совершенный въ человечествѣ.* (Ibid. 1866 г. январь). 16) *Библейская хронологія въ связи съ хронологіей древнихъ восточныхъ народовъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ.* (Прав. Обзор. 1877 г., кн. 5). 17) *Критическій методъ въ изслѣдованіи о книгахъ Св. Писанія.* (Ib. 1883 г., кн. 10—12).

Т. И. Буткевичъ.

5. Буткевичъ Тимоѳей Ивановичъ протоіерей докторъ богословія, сынъ священника с. Большой Рогозянки Харьковскаго уѣзда, *Іоанна Григорьевича Буткевича*; дѣдъ его былъ дячкомъ въ с. Карасовкѣ, Харьковскаго уѣзда; прадѣдъ *Максимъ Буткевичъ* — священникомъ въ с. Полевой Харьковскаго уѣзда; прапрадѣдъ изъ вольныхъ неокладныхъ казаковъ, *Василій Буткевичъ* былъ священникомъ въ с. Бережкахъ, Лебединскаго уѣзда. Протоіерей *Тимоѳей Буткевичъ* родился 21-го февраля 1854 года, обучался въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ съ 1863 по 1869 г., въ Харьковской духовной семинаріи съ 1869 по 1875 г., въ Московской духовной академіи съ 1875 по 1879 г.; удостоенъ степени кандидата богословія въ 1879 году; 19 декабря 1884 г. за сочиненіе «Жизнь Господа нашего Іисуса Христа. М. 1883» Св. Синодомъ удостоенъ степени магистра богословія; за сочиненіе «Религія, ея сущность и происхождение (Обзоръ философскихъ гипотезъ). Въ двухъ книгахъ. Книга I. Харьковъ. 1902» удостоенъ совѣтомъ Московской духовной академіи ученой степени доктора богословія (6-го февраля 1903 г.) и утвержденъ въ этой степени указомъ Св. Синода отъ 7-го мая 1903 г., № 3869; 6-го ноября 1878 года рукоположенъ во священника къ Троицкой церкви слободы Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда; 1-го ноября 1880 года переведенъ на священническое мѣсто къ Покровскому собору въ г. Старобѣльскъ; 4-го декабря 1881 года назначенъ законоучителемъ Старобѣльскаго дѣтскаго приюта; 25-го сентября 1882 года переведенъ въ г. Харьковъ на священническое мѣсто при кладбищенской Іоанно-Усѣкновенской церкви; 26-го августа 1883 года назначенъ предсѣдателемъ совѣта Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища; 21-го февраля 1884 года назначенъ законоучителемъ Маріинской женской гимназіи; 15-го сентября 1884 г. переведенъ на священническое мѣсто къ Харьковскому кафедральному Успенскому собору; 12-го сентября 1894 года назначенъ профессоромъ богословія въ Харьковскомъ университетѣ; 3-го августа 1901 г. — законоучителемъ женской гимназіи Д. Д. Оболенской; 9-го августа 1903 г. — преподавателемъ педагогики въ той же гимназіи.

Изъ его сочиненій, кромѣ словъ и рѣчей, напечатаны: 1) Духовенство Старобѣльскаго уѣзда за время существованія въ Старобѣльскѣ духовнаго правленія

(1797—1858). Харьковъ. 1882. 2) Краткій указатель Старобѣльскаго Покровскаго собора. Харьковъ. 1882. 3) Дѣло бывшаго Софійскаго митрополита Мелетія. Харьковъ. 1883. 4) Расколъ старообрядства въ Харьковской епархіи. Харьковъ. 1883. 5) Народная школа и духовенство (по поводу нападокъ на духовенство и его правоспособность въ дѣлѣ веденія начальнаго народнаго обученія). Харьковъ. 1883. 6) Новое нѣмецкое сочиненіе о жизни Господа нашего Иисуса Христа: *Das Leben Jesu von Bernhard Weiss*. М. 1883. 7) Пессимизмъ Шопенгауэра и его сравненіе съ христіанскимъ аскетизмомъ. М. 1883. 8) Подувѣковая борьба христіанскаго богословія на Западѣ. М. 1884. 9) Значеніе философіи въ системѣ семинарскаго образованія. Харьковъ. 1884. 10) Штундизмъ и пашковщина. Харьковъ. 1884. 11) Какъ преподается философія въ нѣкоторыхъ философскихъ факультетахъ западно-европейскихъ университетовъ. Харьковъ. 1885. 12) Лактанцій и его философскія сужденія. Харьковъ. 1885. 13) Клятва и новѣйшее государство (по К. Готлибу—*„Der Eid und moderne Staat. Eine theologische Studie.* 1884. Харьковъ. 1885. 14) Вѣра и знаніе, вѣра и жизнь. Харьковъ. 1885. 15) Церковно-религіозное состояніе Запада и Вселенская Церковь. Харьковъ. 1885. 16) Сужденія католиковъ о Россіи. Харьковъ. 1885. 17) Датскій философъ Серенъ Киркегоръ, какъ проповѣдникъ ионическихъ началъ въ развитіи личности. Харьковъ. 1886. 18) Язычество и іудейство (по Зейделю). Харьковъ. 1886. 19) Спиритизмъ. 2-е изданіе. Харьковъ. 1886. 20) Разсудочныя силы животныхъ. Харьковъ. 1886. 21) В. В. Верещагинъ въ полемикѣ съ вѣнскимъ католическимъ архіепископомъ (нѣсколько словъ по поводу письма Верещагина въ № 316 „Русскаго Курьера“) Харьковъ. 1886. 22) Энциклика папы Льва XIII. Харьковъ. 1886. 23) Жизнь Господа нашего Иисуса Христа. Опытъ изложенія евангельской исторіи, съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною критикою новѣйшаго времени. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1887. 24) Буддійскій катехизисъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Харьковъ. 1887. 25) Новое покушеніе іезуитовъ противъ православія. (Критическій разборъ появившейся за границею книги „Исхожденіе Св. Духа и вселенское первосвященство“. Изданіе Сергѣя Асташкова). Харьковъ. 1887. 26) Архіепископъ Иннокентій Борисовъ. (Біографическій очеркъ). Спб. 1887. 27) Значеніе христіанскаго воспитанія женщины. Харьковъ. 1889. 28) А. А. Фойгинъ и его переводъ книги о В. Гетте: „Э. Ренанъ передъ судомъ науки, или опроверженіе извѣстнаго сочиненія Ренана „Жизнь Иисуса“ Харьковъ. 1889. 29) Русская и нѣмецкая школа. Харьковъ. 1889. 30) Новый русскій философъ—Н. М. Минскій. Харьковъ. 1890. 31) Метафизическія воззрѣнія князя Сергѣя Трубецкаго. Харьковъ. 1890. 32) Протоіерей Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ (Кронштадтскій), какъ проповѣдникъ. Харьковъ. 1890. 33) Самооправданіе или самообвиненіе (отвѣтъ князю С. Трубецкому и редакціи „Православнаго Обозрѣнія“). Харьковъ. 1891. 34) Нагорная проповѣдь. Опытъ изложенія ученія Господа нашего Иисуса Христа съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною критикою новѣйшаго времени. По поводу лжеученія графа Л. Н. Толстого. Харьковъ. 1892. 35) Невинные изгнанники (Эпизодъ изъ исторіи русской народнои школы). Харьковъ. 1893. 36) Историко-статистическое описаніе Харьковскаго Каѳедральнаго Успенскаго Собора. Харьковъ. 1894. 37) Какъ восполняются мнимыя евангельскіе „пробѣлы“ („*Die Lücke im Leben Jesu*“ Н. Нотовича). Харьковъ. 1895. 38) Э. Ренанъ и его новѣйшій русскій критикъ. Харьковъ. 1895. 39) Зло, его сущность и происхожденіе. Харьковъ. 1897. 40) Основное или апологетическое богословіе и его задачи. Харьковъ. 1897. 41) Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царство Божіе внутри васъ“ (Критическій разборъ). Изданіе 4-е. Харьковъ. 1897. 42) Всеобщность

и изначальность религіи въ родѣ человѣческомъ. Харьковъ. 1898. 43) Упанишады Ведъ. Харьковъ. 1898. 44) Какъ и зачѣмъ европейцы „дѣлають буддизмъ“? Харьковъ. 1898. 45) Историческій очеркъ развитія апологетическаго или основнаго богословія. Харьковъ. 1899. 46) Религіозныя убѣжденія декабристовъ. Харьковъ. 1899. 47) Религія москвитянъ (переводъ съ нѣмецкой рукописи 1702 года). Харьковъ. 1899. 48) Философія монизма (Критическій разборъ сочиненія Геккеля „Die Welträthsel. Bopp. 1899). Харьковъ. 1900. 49) Странное самообвиненіе (отвѣтъ о. Свѣтлову). Харьковъ. 1900. 50) Странныя сужденія Р. И. Сементковскаго, высказанныя по поводу рѣчи преосвященнаго Амвросія: „О практической борьбѣ христіанъ съ современными заблужденіями и пороками“. Харьковъ. 1901. 51) Высокопреосвященный Амвросій, архіепископъ харьковскій (біографическій очеркъ). Харьковъ. 1902. 52) Эрнестъ Ренанъ и его „Жизнь Иисуса“ (въ „Вѣрѣ и Церкви“ 1904). 53) Взглядъ Ренана на чудеса и пророчества въ евангельской исторіи („Мирный Трудъ“ 1904 г.).

Т. И. Буткевичъ.

КАФЕДРА ФИЛОСОФІИ.

1. **Шадъ** Иванъ Егоровичъ, докторъ философіи, ординарный профессоръ, родился въ 1758 году въ деревнѣ Мюрсбахѣ, вблизи Бамберга и Кобурга; былъ сынъ крестьянина; 10-ти лѣтъ принятъ былъ въ хоръ въ близъ лежащій отъ деревни Бенедиктинскій монастырь *Банцъ*, такъ какъ обнаружилъ прекрасный голосъ и способность къ пѣнію и музыкѣ. 14-ти лѣтъ Шадъ былъ отправленъ въ Бамбергъ въ іезуитскую семинарію изучать «Humaniora». Здѣсь было положено первое начало его философскому образованію въ духѣ іезуитскихъ школъ; здѣсь преподавалась формальная логика и діалектика, а равно велись учениками діалектическіе диспуты, въ которыхъ участвовалъ и Шадъ. Здѣсь же онъ научился прекрасно владѣть латинскимъ языкомъ, на которомъ велись диспуты. Такъ какъ по программѣ іезуитскихъ школъ не полагалось чтеніе классическихъ писателей, исключая малыхъ отрывковъ изъ ихъ сочиненій, то Шадъ самостоятельно и украдкой читалъ сочиненія этихъ авторовъ; особенно любилъ изучать сочиненія Цицерона. Монастырское и іезуитское воспитаніе произвело свое вліяніе на молодого и впечатлительнаго Шада: онъ мечтаетъ сдѣлаться «святымъ и ученымъ». Эта мечта доводитъ его до того, что онъ на третьемъ году своего пребыванія въ семинаріи въ Бамбергѣ бичуетъ себя, по примѣру святыхъ, даже жжетъ себя раскаленными углями, особенно когда чувствуетъ въ себѣ пробужденіе полового инстинкта; все это продѣлываетъ онъ подъ вліяніемъ чтенія «легендъ о святыхъ». Идя по этому пути, онъ поступаетъ въ монашество, а предварительно выдерживаетъ искусь безусловнаго монашескаго послушанія или, какъ выражались на монашескомъ языкѣ, «святого послушанія» Здоровье его, наконецъ, не выдержало. Еще болѣе ужасно было состояніе его духа: у него является мысль о самоубійствѣ. Къ счастью его, въ его больной душѣ совершился кризисъ, о которомъ онъ самъ сообщаетъ въ своей «Автобіографіи». Въ это время внезапно, какъ блескъ молніи, вспоминается ему изреченіе римскаго поэта: «Sapere aude»! Это онъ принялъ за призывъ къ возвращенію свободы мысли.

Съ этого момента его жизни началась плодотворная его литературная дѣятельность, которая сдѣлала его извѣстнымъ въ литературномъ и ученomъ мѣрѣ. Шадъ рѣшилъ остаться въ монастырѣ для того, чтобы «оставаясь въ рабствѣ, другихъ спасать отъ рабства», по его собственнымъ словамъ. Католичество, въ лицѣ его представителей, подъ главенствомъ папы, для того, чтобы, съ одной стороны, воспитать народъ въ духѣ подчиненія авторитету церкви и папства и, съ другой,—отвлечь отъ чтенія книгъ св. писанія, пользовалось «легендами святыхъ», составленными въ извѣстномъ направленіи, согласно предположенной цѣли. Съ этихъ-то легендъ и начинается Шадъ. Онъ изучалъ документально рассказы о святыхъ; каждый рассказъ онъ провѣрялъ по всемъ книгамъ, бывшимъ въ его распоряженіи изъ богатой монастырской библіотеки. Черезъ этотъ методъ изученія «легендъ святыхъ» онъ убѣдился, что множество рассказовъ или извращено, или вновь составлено. Въ связи съ этимъ Шадъ изучилъ исторію появленія легендъ о святыхъ и ихъ развитія, исторію изданій этихъ легендъ, являвшихся въ различные періоды. Это вело его далѣе, къ изученію церковной исторіи вообще; онъ нашелъ нужнымъ прослѣдить въ исторіи развитіе нѣкоторыхъ ученій католической церкви, напр.: объ отпущеніи грѣховъ, о чистилищѣ, о непогрѣшимости церкви и т. д.; параллельно съ этимъ онъ изучалъ философію. Уже тогда онъ замышлялъ развить въ цѣльной гармонической системѣ идеи о христіанствѣ, выработанныя имъ на основаніи *апостольскихъ твореній* и на основаніи *разума*. Но пока онъ ограничился изданіемъ легендъ о святыхъ въ двухъ частяхъ in quarto. Мораль, проводимая здѣсь Шадамъ, антимонашеская.

Издавши «Легенды о святыхъ», Шадъ съ той же цѣлью развитія народа предпринялъ второй капитальной трудъ: «Комментаріи на Библію» и издалъ 18 томовъ, сюда относящихся.

Философское образованіе Шада шло въ этотъ періодъ своимъ порядкомъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвело на него въ этотъ періодъ изданіе Кантомъ его «Критики практическаго разума». Ученіе Канта «О свободѣ» (Freiheit), какъ самой въ себѣ независимой силѣ въ человѣкѣ, какъ разъ соответствовало состоянію духа Шада и его запросамъ. «Сочиненіе Канта было для меня настоящимъ солнцемъ», говоритъ онъ. Но, насколько сочувственно онъ отнесся къ «Критикѣ практическаго разума», настолько отталкивающее дѣйствіе произвела на него «Критика чистаго разума» Канта. Это послѣднее сочиненіе сначала повергло его въ уныніе и заставило пережить тяжелое душевное состояніе, потомъ вызвало съ его стороны протестъ и критику. Онъ усмотрѣлъ въ скептической философіи Канта, выраженной въ «Критикѣ чистаго разума»,

новый поворотъ къ католицизму. Невозможность познанія Бога и чело-вѣческой души собственными силами чело-вѣческаго разума, доказываемая Кантомъ въ его «Критикѣ чистаго разума», естественно должна вести, по его мнѣнію, къ необходимости для чело-вѣка высшаго откровенія, слѣдовательно — къ необходимости подчиненія авторитету тѣхъ, которымъ предоставлено хранить и толковать божественное откровеніе.

Случилось, что Шадъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Это случайное обстоятельство имѣло для него рѣшающее значеніе. Последнее сочиненіе, написанное имъ въ монастырѣ, было: «Судьба почтеннаго отца *Синцера*» (*Sincerrus*). Это была ѣдкая сатира на монаховъ. Болѣзнь Шада была ослаблена докторомъ, но оставила послѣдствія: у него открылось кровохарканіе. Шадъ просилъ доктора откровенно сказать ему, сколько продлится его жизнь при такихъ условіяхъ. Докторъ обѣщалъ ему не болѣе, какъ полгода жизни. Тогда Шадъ рѣшилъ нанести передъ своею смертію послѣдній ударъ монашеству: онъ отдалъ первую часть сочиненія: «Судьба почтеннаго отца Синцера» въ печать съ такимъ расчетомъ, что выходъ ея въ свѣтъ послѣдуетъ въ то время, когда его не будетъ уже въ живыхъ. Что же? Неожиданно для него здоровье его стало поправляться и улучшаться. Тогда для него не оставалось другого средства для спасенія, какъ бѣгство изъ монастыря. Онъ не безъ основанія опасался того, что можетъ попасть въ руки инквизиціи, которая, захвативши его, могла отправить въ одинъ изъ монастырей Испаніи; тогда гибель его была бы неизбѣжна, какимъ бы образомъ она ни совершилась. Онъ рѣшился бѣжать изъ монастыря въ первую же благоприятную ночь. Наканунѣ праздника въ монастырѣ ночь была особенно темная. Въ полночь Шадъ, въ легкой одеждѣ, совершилъ опасный для жизни прыжокъ изъ окна въ монастырскій садъ, затѣмъ перебрался чрезъ монастырскую стѣну и оказался на свободѣ. Такимъ образомъ, онъ «сбросилъ цѣпи, какъ онъ выражается, которыя носилъ около 21 года».

Далѣе мы видимъ Шада въ Іенѣ. Здѣсь онъ искалъ степени доктора философіи безъ экзамена. Какъ извѣстный уже своими учеными сочиненіями, онъ безпрепятственно получилъ докторскій дипломъ. Здѣсь же онъ домогался, чтобы допустили его къ чтенію лекцій по философіи; для этого онъ представилъ извѣстному философу *Фихте*, преподававшему въ то время философію въ Іенскомъ университетѣ, изложеніе его философіи въ 3-хъ частяхъ. Фихте не мало былъ удивленъ точностью изложенія его философіи, особенно когда узналъ, что авторъ изложенія былъ монахомъ Бенедиктинскаго монастыря. Кромѣ этого труда, онъ представилъ въ университетъ диссертацию подъ заглавіемъ: «*De nexu philosophiae theo-*

reticae cum practica», которую и защитилъ съ успѣхомъ. Послѣ защиты диссертациі онъ получилъ отъ университета право открыть чтеніе лекцій по философіи. На просьбу студентовъ, обращенную къ оставлявшему въ то время Іенскій университетъ проф. Фихте, указать имъ, кого они должны слушать по философіи послѣ его отъѣзда, послѣдній указалъ на Шада.

Въ Іенскомъ университетѣ Шадъ оставался сравнительно недолго, съ 1799 до 1804 года, но работалъ, повидимому, неутомимо. Кромѣ лекцій, которыя онъ читалъ въ университетѣ непрерывно по всѣмъ частямъ философіи, онъ издалъ въ этотъ періодъ цѣлый рядъ сочиненій:

1) Grundriss der Wissenschaftlehre. 2) Geist der Philosophie unserer Zeit. 3) Transcendentale Logik. 4) Ziemlich starke Abhandlung in dem philosophischen Journal. 5) Adhandlung über die Verbesserung des Mönchswesens. 6) Der Natur und transcendental Philosophie. 7) Meine Lebensgeschichte. 8) Gefahren des Staates und der Religion von Seiten des Mönchsthums. 9) Das Paradies der Leibe — монашескій романъ въ 2-хъ частяхъ ¹⁾.

Въ февралѣ 1804 года Шадъ получилъ изъ Россіи приглашеніе занять должность профессора *теоретической и практической философіи* въ вновь открываемомъ университетѣ, въ *Харьковѣ*, — на такихъ выгодныхъ условіяхъ, на которыхъ ни одинъ изъ нѣмецкихъ князей не могъ говорить Шадъ — пригласить даже знаменитаго ученаго; поэтому приглашеніе было принято Шадомъ, тѣмъ болѣе, что онъ къ этому времени вступилъ въ бракъ съ нѣкою Вильгельминою изъ Кобурга.

Нѣтъ сомнѣнія, что Харьковскій университетъ пріобрѣлъ въ лицѣ Шада одного изъ даровитѣйшихъ и способнѣйшихъ преподавателей. Не даромъ Фихте рекомендовалъ его студентамъ Іенскаго университета; не даромъ рекомендовали его Гёте и Шиллеръ *Потоцкому*, попечителю Харьковскаго учебнаго округа. Проф. Харьковскаго университета, одновременно съ Шадомъ бывший въ университетѣ, *Роммель* передаетъ, что «Шадъ привлекъ студентовъ своею логикою, написанной плавною латынью». Еще большимъ краснорѣчіемъ и блестящимъ изложеніемъ отличается его «Естественное право», которое онъ читалъ студентамъ и напечаталъ въ Харьковѣ на латинскомъ языкѣ въ 1814 году. Его «рѣчи», написанныя имъ для торжественныхъ актовъ въ университетѣ, особенно блестящи по краснорѣчію; даже рѣчи, которыя онъ говорилъ въ засѣданіяхъ совѣта университета и которыя записаны и остались въ архивныхъ дѣлахъ университета, невольно привлекаютъ вниманіе и увлекаютъ знакомящагося съ ними.

¹⁾ *Ибервегъ* относитъ Шада къ послѣдователямъ философіи Фихте, но это справедливо только по отношенію къ философскимъ сочиненіямъ, написаннымъ въ Іенѣ въ данный періодъ его жизни и философской дѣятельности.

Въ то же время ясность, точность и послѣдовательность развиваемыхъ мыслей безукоризненны у Шада. Можно сказать, что время пребывания его профессоромъ Харьковскаго университета было періодомъ *расцвѣта* его философскаго мышленія. Хотя Роммель и говоритъ, что «лекціи Шада въ Харьковскомъ университетѣ по метафизикѣ отзывались философією Шеллинга»; хотя то же повторяютъ и другіе и отрицать этого нельзя, — тѣмъ не менѣе самъ Шадъ въ своей «оправдательной запискѣ», представленной въ послѣдствіи времени въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, заявляетъ о себѣ, какъ о послѣдователѣ философіи *Лейбница*. И дѣйствительно, въ его «Естественномъ правѣ» мы встрѣчаемъ цѣлыя страницы, гдѣ онъ развиваетъ въ точности идеи философіи Лейбница. Намъ кажется, что съ одинаковымъ правомъ Шадъ могъ назвать себя и послѣдователемъ философіи Платона, слѣды философіи котораго можно усматривать въ его сочиненіяхъ, и даже — Аристотеля. Такимъ образомъ, исключительно послѣдователемъ философіи Шеллинга назвать Шада нельзя, и тѣмъ болѣе нельзя этого сдѣлать, съ одной стороны, потому, что Шеллингъ въ это время не завершилъ еще всего цикла своихъ философскихъ построеній и не сказалъ послѣдняго слова своей философіи, и, съ другой стороны, — потому, что Шеллингъ не разрабатывалъ тѣхъ изъ философскихъ наукъ, которыя систематически разработалъ Шадъ. Послѣдній въ правѣ былъ, кажется, сказать въ предисловіи къ своей «Логикѣ», изданной въ Харьковѣ въ 1812 году: «въ чистой логикѣ я не могъ слѣдовать никакому руководителю (*nullum ducem sequi potui*); мнѣ нужно было проложить совершенно новый путь, опираясь единственно на собственныя идеи (*mihi, solis meis ideis innixo, nova prorsus via erat conrumpenda*)». То же нужно сказать и о другомъ его сочиненіи: «О естественномъ правѣ», изданномъ въ Харьковѣ. Самъ Шадъ замѣчаетъ, что «Шеллингъ никогда не писалъ естественнаго права или чего-нибудь подобнаго:... предметъ философскаго изслѣдованія Шеллинга — физика».

Философская и литературная продуктивность Шада въ Харьковѣ была не такъ велика, какъ въ предыдущіе періоды его жизни. Но, во-первыхъ, то, что издано имъ въ Харьковѣ, запечатлѣно большей самостоятельностью и независимостью его философскаго мышленія и міровоззрѣнія, слѣдовательно, требовало большаго времени и труда при разработкѣ; во-вторыхъ, на основаніи его заявленія въ предисловіи къ логикѣ мы можемъ заключить, что имъ приготовлялось къ печати больше, чѣмъ сколько онъ успѣлъ издать. Здѣсь послѣ изданія логики онъ обѣщаетъ издать сначала *метафизику*, а потомъ *нравственное ученіе и естественное право*. Изданіе «Естественнаго права» явилось, однако, вслѣдъ за логикою, но такое измѣненіе порядка изданія своихъ сочиненій Шадъ объясняетъ въ

«предисловіи» «Естественнаго права» великимъ политическимъ обстоятельствомъ, тогда послѣдовавшимъ. «Счастливѣйшее измѣненіе обстоятельствъ, говоритъ онъ здѣсь, которое совершилось съ помощью особеннаго божественнаго провидѣнія, а также благодаря рѣшимости, могуществу и непоколебимости великихъ государей Европы, соединенныхъ между собою братскимъ союзомъ, подаетъ надежду на то, что изъ развалинъ тираннической власти (т. е. Наполеона), подъ гнѣтомъ которой стонала почти вся Европа, *произойдетъ новый порядокъ, новая жизнь, новое твореніе и новая форма государства, управляемаго согласно вѣчнымъ законамъ разума*». Эти-то «вѣчные законы разума», на основаніи которыхъ долженъ создаться новый общественный и государственный порядокъ, Шадъ спѣшилъ раскрыть и разъяснить въ своемъ сочиненіи: «*Institutiones juris naturae*». Такъ какъ это сочиненіе послужило поводомъ къ цѣлому ряду обвиненій, направленныхъ противъ Шада, то *метафизика* и *нравственное ученіе* остались не изданными имъ.

Къ вышесказанному нужно присоединить то, что, кромѣ прямыхъ профессорскихъ обязанностей и философско-научныхъ занятій, Шадъ исполнялъ другія обязанности, такъ: по выбору совѣта университета онъ былъ деканомъ этико-политическаго отдѣленія; потомъ былъ членомъ правленія университета; далѣе, онъ былъ секретаремъ совѣта университета съ 1804 по 1811 г. Въ 1810 году за отсутствіемъ профессора онъ преподавалъ *латинскую словесность* 3 мѣсяца. Въ томъ же году онъ началъ преподавать *нѣмецкую словесность* и продолжалъ это преподаваніе до 1814 года. Съ 1814 года онъ снова преподавалъ *латинскую словесность*. Въ связи съ этими занятіями онъ составилъ и по опредѣленію совѣта университета издалъ прозаическую часть нѣмецкой хрестоматіи для гимназій и университета; издалъ также: «*De viris illustribus urbis Romae*» для гимназій, а раньше по порученію совѣта университета *обработалъ университетскій уставъ* на латинскомъ языкѣ. Выше было указано на нѣсколько рѣчей, имъ составленныхъ для торжественныхъ актовъ въ университетѣ. Эти рѣчи слѣдующія: 1) Рѣчь «о высшемъ назначеніи человѣка»; 2) Рѣчь «о необходимости изученія философіи» и 3) Рѣчь «о возвращеніи Европѣ свободы». Въ «Философскомъ Словарѣ» *Гогоцкаго* указываются еще двѣ рѣчи Шада: 1) «*De existentia summi numinis*» и 2) «*De immortalitate animorum*», но въ Библіотекѣ Харьковскаго университета таковыхъ не оказалось и нѣтъ указаній на нихъ. Въ томъ же словарѣ указывается диссертация объ изученіи философіи: «*Dissertatio de studio philosophiae ejusque genuina natura*». Подъ этимъ заглавіемъ сохранилась въ библіотекѣ Харьковскаго университета диссертация на ученую степень нѣкогого Гриневича, ученика Шада, относительно которой засвидѣтельствовано

комиссією изъ членовъ совѣта университета, что она дословно списана съ неизданныхъ записокъ Шада. Съ 1815 года начались интриги, направленные противъ Шада, и доносы на него, что, конечно, не могло не отвлечь его отъ научно-философскихъ занятій. Всѣ эти интриги и доносы имѣли своимъ результатомъ то, что Шадъ былъ удаленъ отъ должности профессора университета и высланъ за границу въ концѣ 1816 года¹⁾.

Вся жизнь и дѣятельность Шада, насколько изложено здѣсь, показываютъ, что онъ не принадлежалъ къ разряду натуръ посредственныхъ. Въ очень ранніе юношескіе годы онъ уже обнаруживаетъ необыкновенную силу воли, когда добровольно подвергаетъ себя бичеванію и жженію на раскаленныхъ угляхъ. Принятый въ семинарію послѣднимъ за плохое знаніе латинскаго языка, онъ рѣшаетъ во что бы то ни стало подняться на первое мѣсто. Съ этою цѣлью онъ день и ночь предается изученію латинскаго языка, и къ концу второго года своего пребыванія въ семинаріи получаетъ первую награду за знаніе латинскаго языка. Среда, въ которую онъ попалъ, крайне благопріятствовала развитію въ немъ *самолюбія* и *тщеславія*. Старецъ-монахъ, на обученіе и воспитаніе котораго отданъ былъ 10-ти лѣтній мальчикъ при поступленіи въ монастырскій хоръ, нарочито показываетъ ему все великолѣпіе монастыря и особенно — богатые и красивыя парадныя комнаты и княжескую жизнь и обстановку прелата. У вышедшаго изъ народа мальчика тогда же зарождается дѣтская мечта сдѣлаться монахомъ и достигнуть сана и почестей прелата. Въ юношескомъ возрастѣ онъ ставитъ себѣ цѣль сдѣлаться «ученымъ и святымъ» и уже на дѣлѣ преслѣдуетъ эту цѣль. Его не страшитъ искусъ передъ постриженіемъ въ монашество; какъ ни тяжело было для него «святное послушаніе», напр. лишеніе права созерцанія красотъ природы, которую онъ такъ любилъ, или яденіе «собачьяго стола», — онъ все переноситъ безропотно, чтобы только достичь разъ намѣченной цѣли. Онъ только забылъ въ своемъ увлеченіи, что онъ тайкомъ успѣлъ вкусить запрещеннаго ему плода — чтенія и изученія классической мудрости; вслѣдствіе этого разомъ все рухнуло и жизнь его совсѣмъ перевернулась. Богато одаренная природа его нашла выходъ и при такомъ крушеніи. Шадъ является борцомъ за разумъ, истину и свободу. Съ тою же настойчивостью и силою воли онъ дѣйствуетъ и на новомъ поприщѣ, какъ и раньше: замкнувшись въ монастырской комнатѣ, онъ неутомимо работаетъ, обложившись кругомъ книгами. Не одинъ десятокъ томовъ выходитъ изъ-подъ его пера. Онъ сознаетъ, что онъ дѣлается подозри-

¹⁾ Документальное изслѣдованіе объ удаленіи Шада изъ Харьковскаго университета смотр. въ брошюрѣ профес. Д. И. Багалія: «Удаленіе И. Е. Шада изъ Харьковскаго университета». 1899 года. Харьков.

тельнымъ среди монаховъ, и тѣмъ не менѣе энергія его не ослабѣваетъ. Въ концѣ-концовъ онъ пишетъ ѣдкую сатиру на монаховъ и монашество вообще.

Къ сожалѣнію, монастырское и іезуитское воспитаніе и монастырская жизнь оставили глубокіе слѣды въ его натурѣ и привили ему дурныя привычки. Мы имѣемъ нѣсколько указаній въ воспоминаніяхъ о немъ современниковъ на то, что онъ въ Харьковѣ не рѣдко предавался неумѣренному употребленію спиртныхъ напитковъ. Онъ, повидимому, не искалъ общества и жилъ болѣе или менѣе замкнуто, занимаясь наукою, хотя охотно участвовалъ въ пирушкахъ и попойкахъ. Здѣсь онъ являлся неистощимымъ рассказчикомъ изъ монашеской жизни о скандальныхъ приключеніяхъ монаховъ. «Эти рассказы были, говоритъ Роммель, очень забавны и блистали неистощимымъ юморомъ, особенно когда онъ брался за скрипку, спасенную во время опаснаго прыжка изъ Банца, и затягивалъ пѣснь свободы, подходившую къ птичьему пѣнію. Это былъ совершенный циникъ, у котораго монашескія привычки не совсѣмъ прикрывались русскимъ мундиромъ». Мы ничего не знаемъ объ его первой женѣ. Думаемъ, что этотъ бракъ былъ по симпатіи и женское вліяніе могло бы дѣйствовать благотворно на него и сглаживать крайности и неровности его нервнаго темперамента; но она рано умерла. Второй бракъ его въ Харьковѣ былъ неудачнымъ. «Несчастный бракъ, говоритъ Роммель, состоявшійся въ Курскѣ на пирушкѣ съ женщиной сомнительной репутаціи и скупой, не то русскою, не то нѣмкою, ускорила его домашнюю катастрофу». Неудивительно, что это обстоятельство усиливало его привычку прибѣгать къ спиртнымъ напиткамъ, хотя, повидимому, это не было запойнымъ, непробуднымъ пьянствомъ: онъ продолжалъ работать по своей наукѣ, издавалъ сочиненія, неупустительно читалъ лекціи, исполнялъ должность секретаря совѣта, члена правленія университета и проч. Какъ циникъ по жизни и убѣжденію, онъ смотрѣлъ, вѣроятно, на попойку, по временамъ имъ совершаемую, какъ на нѣчто безразличное съ точки зрѣнія нравственной. Иное дѣло—обвиненіе его во «взяточничествѣ» и «невѣріи», которое онъ будто бы «распространялъ подъ оболочкою темнаго философствованія». Относительно взяточничества Шада ничего точно и опредѣленно не выяснено. Что же касается невѣрія, которое будто бы онъ распространялъ, на этомъ необходимо остановиться.

Съ точки зрѣнія католическихъ монаховъ, отъ которыхъ онъ бѣжалъ и на которыхъ онъ написалъ ѣдкую сатиру, онъ, несомнѣнно,—схизматикъ и еретикъ, тѣмъ болѣе, что онъ перешелъ въ протестанство, оставивши католичество. Но *Розальонъ-Сошальскій* говоритъ, что ему указали на Шада, какъ распространителя *невѣрія* (?). Что это значитъ? Въ какомъ

смыслѣ понимать здѣсь слово: «невѣріе»? Такъ какъ это было ходячее мнѣніе, передавая которое никто не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что нужно подѣ этимъ понимать, то едва ли слѣдуетъ серьезно останавливаться надъ этимъ. Иное дѣло то, что сказано о невѣріи Шада въ тайномъ доносѣ проф. Дегурова въ Министерство Народнаго Просвѣщенія и въ рецензіи анонима на два сочиненія Шада: «Отецъ Синцеръ» и «Автобіографія», представленной также въ Министерство. Дегуровъ обвиняетъ Шада въ *раціонализмъ*, съ точки зрѣнія котораго дѣлаются имъ нападки на христіанство. Еще опредѣленнѣе высказывается анонимъ. Онъ прямо отчисляетъ его къ *деистамъ* XVIII вѣка и говоритъ, что «онъ допускаетъ согласно разуму безсмертіе души и вѣру въ Бога, Творца и Хранителя міра; онъ почитаетъ Иисуса Христа, какъ необыкновеннаго человѣка, благодѣтеля человѣчества, посланнаго Богомъ учить людей; но онъ въ то же время осмѣиваетъ нелѣпость идеи Святой Троицы, воплощенія Бога и Св. таинствъ». Такъ какъ все это обвиненіе Шада въ невѣріи непосредственно извлечено изъ вышеуказанныхъ сочиненій его, то не подлежитъ сомнѣнію его справедливость. Только обвинитель (Дегуровъ) въ этой части обвиненія не обратилъ вниманія на то, что эти сочиненія написаны Шадомъ въ ранній періодъ философствованія его и при томъ при обстоятельствахъ крайняго раздраженія его противъ хранителей и истолкователей христіанства. Послѣ того Шадъ пережилъ не одно философское вліяніе и прогрессировалъ, углубляясь больше и больше въ философскіе вопросы; поэтому его религіозно-философское міровоззрѣніе могло измѣняться. Мы, дѣйствительно, въ своемъ мѣстѣ указали на то, что Шадъ ко времени его обвиненія въ невѣріи сильно склонился на сторону философіи Лейбница; послѣдній же не отвергалъ божественнаго откровенія и лишь утверждалъ, что источникъ *откровенія* и *разума* одинъ и тотъ же. Это же высказываетъ и Шадъ въ своей «оправдательной запискѣ». Если такъ, то спрашивается: справедливо ли преслѣдовать мыслителя за вѣрованія и убѣжденія, которыя онъ имѣлъ раньше и которыя смѣнились другими?!

Правда, Шадъ, какъ раньше былъ борцомъ за *свободу* и *разумъ*, такъ и остался таковымъ. Въ этомъ онъ былъ достойнымъ послѣдователемъ и соревнователемъ философа *Фихте*, духомъ философіи котораго онъ глубоко проникся въ Іенѣ. Также, какъ и Фихте, онъ полагалъ, что академическая свобода преподаванія должна быть неприкосновенна. Въ своей философской замкнутости онъ не замѣчалъ, что обстоятельства измѣнились. Между тѣмъ враги его воспользовались этими обстоятельствами. И враговъ-то этихъ онъ нажилъ себѣ чрезъ борьбу свою за свободу. Когда Европа освобождена была отъ гнета *Наполеона*, Шадъ не преминулъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ моментомъ, чтобы сказать

свое слово о свободѣ націй и свободѣ человѣка вообще. Въ своей блестящей рѣчи, сказанной имъ въ торжественномъ собраніи университета, онъ развилъ свои философскія идеи объ этой свободѣ. Въ то же время въ своей рѣчи онъ обрушился всею силою своего краснорѣчія противъ тиранническихъ стремленій и дѣйствій Наполеона, при чемъ затронулъ и французскую націю вообще. Затѣмъ съ неменьшею силой и краснорѣчіемъ онъ продолжалъ свои нападки на Наполеона и французскую націю и въ своемъ «Естественномъ правѣ». Проф. Дегуровъ, французъ по происхожденію, и другіе профессора Харьковскаго университета французскаго происхожденія сочли себя оскорбленными Шадамъ и, находя его нежелательнымъ для себя въ Харьковскомъ университетѣ, открыли противъ него походъ. Во главѣ этого похода сталъ указанный профессоръ Дегуровъ. Открытая борьба не страшна была для Шада; но, когда начались тайные доносы на него въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, онъ былъ безсиленъ защищаться, потому что не зналъ всего того, въ чемъ его обвиняли. Результатъ намъ уже извѣстенъ. Но, и высланный за границу, онъ не переставалъ домогаться признанія его невинности и возстановленія его правъ ¹⁾.

Обратимся къ философіи Шада, какъ она выразилась въ его сочиненіяхъ, изданныхъ въ Харьковѣ. Это—его «Логика» и «Естественное право».

Можно сказать, что *разумъ* и *свобода* были главными предметами философскаго изслѣдованія и разъясненія Шада въ указанныхъ сочиненіяхъ. По его взгляду, вся философія въ своемъ изслѣдованіи и построеніи должна исходить изъ этихъ двухъ основныхъ пунктовъ: *разума* и *свободы*. Мы уже видѣли, съ какимъ восторгомъ привѣтствовалъ Шадъ появленіе въ свѣтъ «Критики практическаго разума» *Канта*, трактующей о самобытности свободной воли, и, напротивъ, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ онъ прочелъ его «Критику чистаго разума». Съ критическаго разбора послѣдняго сочиненія *Канта* и началъ Шадъ свое самостоятельное философское изслѣдованіе.

Извѣстно, что въ «Критикѣ чистаго разума» *Канта* излагается его знаменитое ученіе объ *антиноміяхъ*. Разобравши эти *антиноміи* *Канта*, Шадъ пришелъ къ заключенію, что ученіе *Канта* о нихъ ведетъ къ абсолютному скептицизму, такъ какъ оно подрываетъ первыя начала мышленія: начала или законы *тождества*, *противорѣчія*, *исключеннаго средняго* и *достаточнаго основанія*. «Я признаюсь, говоритъ онъ, что когда я въ первый разъ прочелъ антиноміи разума, предложенныя *Кантомъ*, и тщательно разобралъ ихъ, то, какъ пораженный молніею, объятъ былъ

¹⁾ Смотри. Д. И. Багалъй. „Удаленіе Шада изъ Харьковскаго университета“.

ужасомъ, такъ какъ тотчасъ хорошо понялъ, что съ уничтоженіемъ достовѣрности первыхъ началъ мышленія не можетъ быть мѣста никакому надежному познанію истины». Послѣ этого другое ученіе Канта о *постулатахъ* практическаго разума не вселяетъ уже въ авторѣ ни утѣшенія, ни довѣрія. Если мы ничего не можемъ знать о томъ, какъ вещи существуютъ сами въ себѣ, то что можетъ освободить насъ отъ страха, что таково же и то, что постулируетъ «практическій разумъ»? При томъ, какимъ образомъ мы можемъ вѣрить (а Кантъ требуетъ отъ насъ вѣры) постулатамъ практическаго разума, когда послѣдній, по мысли Канта, находится въ открытой враждѣ съ теоретическимъ разумомъ? Если разумъ самъ съ собою ведетъ борьбу, то нельзя довѣрять ни функціямъ теоретическаго разума, ни функціямъ разума практическаго. И почему я долженъ довѣрять по преимуществу постулатамъ практическаго разума, отвергнувши авторитетъ теоретическаго разума? Кантъ предвидѣлъ это возраженіе и, поэтому, присвоилъ практическому разуму первенство, подчинивши ему разумъ теоретическій. Но кто не видитъ въ этомъ произвола, допущеннаго Кантомъ?

Самъ Шадъ, анализируя теоретическій разумъ, приходитъ къ тому заключенію, что нужно различать *разсудокъ* (intellectus) и *разумъ* (ratio). *Разсудокъ* ограниченъ въ своей дѣятельности только міромъ опыта и феноменовъ; онъ по необходимости воспринимаетъ противоположности, потому что опытъ представляетъ на каждомъ шагѣ эти противоположности. Но *духъ* (mens) человѣка не можетъ по своей природѣ успокоиться на противоположностяхъ и противорѣчіяхъ, на которыя онъ постоянно наталкивается въ области опыта и феноменовъ, и стремится къ объединенію противоположностей, хотя это объединеніе и является въ области разсудка только *формальнымъ* при помощи *родовыхъ понятій* (conceptus genericos). Иное дѣло *разумъ*: онъ имѣетъ дѣло съ *идеями*. Свойства *идей* въ томъ и состоятъ, чтобы вносить всюду въ міръ единство и *гармонію*. «Въ томъ-то и заключается ошибка Канта, говоритъ Шадъ, что онъ игнорируетъ природу *разума* и смѣшиваетъ его съ высшими функціями рефлексіи и отвлеченія, составляющими принадлежность разсудка».

При такой постановкѣ ученія о *разумѣ* уничтожается радикальное различіе между разумомъ *теоретическимъ* и разумомъ *практическимъ*, установленное Кантомъ. «Одинъ и тотъ же разумъ заключается, говоритъ Шадъ, какъ въ функціи *мышленія* (cogitandi), такъ и въ функціи *хотѣнія* (volendi). Разумъ изслѣдуетъ или quid sit et quare quid sit, или quid fieri oportet et qua ratione. Въ первой функціи разумъ называется *теоретическимъ*, во второй — *практическимъ*. Въ той и другой функціи онъ пользуется однимъ высшимъ закономъ; слѣдовательно, *разумъ существуетъ только одинъ*; онъ только кажется различнымъ, насколько онъ

разсматривается въ различныхъ функціяхъ, поэтому абсолютная противоположность между теоретическимъ и практическимъ разумомъ никоимъ образомъ не можетъ быть допущена. Законъ, общій какъ теоретическому, такъ и практическому разуму, и вышій въ функціяхъ того и другого, есть законъ *абсолютной гармоніи* и т. д. «Нашъ духъ въ функціяхъ мышленія дѣлаетъ *реальный міръ идеальнымъ*; напротивъ, въ функціи хотѣнія обращаетъ *идеальный міръ въ реальный*. Въ функціи хотѣнія мы всегда ставимъ *цѣль*, достигнуть которой мы домогаемся. Но безъ идеи нашего духа мы не можемъ поставить себѣ никакой цѣли. Этимъ способомъ дѣлается *реальнымъ* то, что было *идеальнымъ*».

Съ этой точки зрѣнія идея представляетъ собою *возможность* реального. Истинная философія вращается не въ простомъ познаніи феноменовъ, какъ вообще утверждаетъ эмпиризмъ, или въ познаніи основаній, изъ которыхъ раскрывается, что мы ничего не можемъ знать, кромѣ феноменовъ, какъ Кантъ хотѣлъ доказать это своею критикою, но въ «абсолютномъ и единственномъ знаніи *возможности* феноменовъ». Основаніе же этой абсолютной и единственной возможности лежитъ въ *идеяхъ*, руководясь которыми, мы познаемъ вещи, *какъ онѣ существуютъ сами въ себѣ*. *Вся вселенная можетъ быть не чѣмъ инымъ, какъ типомъ и образомъ абсолютнаго разума*. Поэтому самыя вещи по своей природѣ соответствуютъ идеямъ, происходящимъ изъ чистѣйшаго источника — разума. Идеи, какъ еще Платонъ утверждалъ, суть вѣчныя и истинныя формы всякаго существованія.

Уже изъ этого видно, какъ далека философія Шада отъ натуралистическаго пантеизма Шеллинга, гдѣ неразумная и безсознательная природа стремится чрезъ эволюцію создать сознаніе и разумъ.

На содержаніи логики Шада мы долго останавливаться не будемъ¹⁾: логика у Шада есть *теорія разсудка*. Такъ какъ чрезъ разсудокъ или рефлексію не выражается истинная природа вселенной, то у Шада логика не можетъ быть *преимущественнымъ и непосредственнымъ органомъ открытія истины*: это принадлежитъ только разуму. Тѣмъ не менѣе знаніе науки логики весьма важно; она излагаетъ законы непогрѣшимаго вывода; поэтому, «если какая-либо истина будетъ найдена инымъ путемъ, она (логика) весьма много поможетъ выводу истинъ, съ нею соединенныхъ, чрезъ законныя слѣдствія». Шада — противъ *формальной логики*: она, по его взгляду, вредна, потому что создаетъ убѣжденіе, что между субъектомъ и объектомъ существуетъ абсолютная противоположность; это было, говоритъ онъ, причиною и источникомъ всѣхъ

¹⁾ Смотр. Зеленогорскій. И. Г. Шада. Въ журналѣ „Вопросы философіи и психологій“, № 27 и № 30 (1895 г. Мартъ и Ноябрь).

ошибокъ, проникшихъ въ область философіи. Самъ Шадъ держится того взгляда, что „*формы предметовъ и формы нашего духа тождественны*“. Съ этой точки зрѣнія онъ дѣлаетъ даже попытку указать въ природѣ въ конкретной формѣ *реальный родъ* (genus reale) и *реальные виды* (species reales), на что не рѣшался, кажется, ни одинъ представитель логики. Самъ Аристотель *роды и виды* называлъ вторичными сущностями и видамъ приписывалъ больше реальности, чѣмъ родамъ. Въ объясненіе того, какимъ образомъ Шадъ могъ указать въ природѣ *реальный родъ* и *реальные виды*, мы пользуемся здѣсь случаемъ сказать нѣсколько словъ о натуральной философіи *Шада*, за которую его причислили къ послѣдователямъ Шеллинга, но которую самъ Шеллингъ заимствовалъ у современныхъ ему натуралистовъ ¹⁾.

Природа представляетъ собою непрерывное развитіе. Это развитіе совершается непрерывнымъ дѣйствіемъ противоположныхъ силъ. Въ неодушевленной природѣ дѣйствуютъ двѣ основныя противоположныя силы: сила *отталкивательная* и сила *притягательная*; въ воодушевленной природѣ такими силами являются *раздражимость* и *ощущеніе*; въ разумной же природѣ — сила *хотѣнія* и *способность мышленія*. Собственно говоря, на всѣхъ указанныхъ ступеняхъ развитія дѣйствуютъ однѣ и тѣ же основныя силы, въ которыхъ замѣчается одинъ общій характеръ — *положительный* и *отрицательный*, но которыя по мѣрѣ восхожденія на болѣе высшія ступени принимаютъ иную природу, являются съ иными свойствами. Въ каждомъ пунктѣ эволюціи, относящейся къ одной извѣстной области, указанные силы обнаруживаютъ себя въ различной пропорціи такимъ образомъ, что одна надъ другою постепенно беретъ перевѣсъ, и, насколько одна увеличивается, настолько другая, ей противоположная, уменьшается; въ этомъ движеніи противоположныхъ силъ встрѣчается и *средній пунктъ*, въ которомъ обѣ силы находятся въ *равновѣсіи*; этотъ средній нейтральный пунктъ, какъ онъ является въ природѣ въ конкретной формѣ, и есть *реальный родъ* (genus reale), а крайніе противоположные пункты суть *реальные виды* (species reales). «Способъ *продукціи*, наблюдаемый нами въ органическомъ царствѣ, имѣетъ мѣсто, говоритъ Шадъ, во всей природѣ, ибо ничто не происходитъ безъ столкновенія и непрерывной борьбы двухъ видовъ, противоположныхъ одинъ другому, поэтому природа во всѣхъ своихъ произведеніяхъ обнаруживаетъ нѣкотораго рода *любовь* (amorem), потому что производитъ все постояннымъ соединеніемъ противоположностей. Благодаря этой вѣчной и не-

¹⁾ Смотри. *Зеленогорскій*. „Вліяніе натур. философіи Шеллинга“. Матеріалы для исторіи Харьковскаго университета въ запискахъ Харьков. универ. 1893 г., выпускъ IV.

измѣнной любви, которая господствуетъ во всѣхъ областяхъ природы и всѣ ихъ соединяетъ и связываетъ, такъ что онѣ какъ бы составляютъ одинъ абсолютный организмъ, необходимо происходитъ то, что природа никогда не перестаетъ производить новыя и новыя поколѣнія, находя въ этомъ удовлетвореніе, никогда не старится и не бываетъ бесплодною: изъ самой старости происходитъ новая юность, изъ самой смерти, кажется, бьетъ ключемъ новая жизнь».

Тотъ же общій законъ дѣйствія противоположностей, дѣйствующій во вселенной, Шадъ переноситъ и на человѣческія общества. Въ своей рѣчи «Возвращеніе свободы Европѣ» Шадъ говоритъ: «разсуждая по тѣмъ же началамъ, можно видѣть, насколько важна побѣда, возвратившая Европѣ свободу. Ибо какъ человѣческое тѣло, такъ и каждая семья и государство, и всѣ государства, взятые вмѣстѣ, имѣютъ форму организма..., а этою побѣдою возстановлена, какъ единственное условіе всякаго организма, *противоположность націй* или свободное ихъ дѣйствіе и противо-дѣйствіе согласно климату, нравамъ, различной степени культуры и различнымъ тѣлеснымъ и душевнымъ способностямъ. *Не на всякой землѣ рождается все.* Усовершенствованіе каждаго человѣка порознь и всѣхъ людей вообще обнаруживается въ неограниченномъ разнообразіи количества, качества, мѣры вещей, которыми они пользуются, а равно — степени развитія силъ, общихъ всѣмъ людямъ. А это разнообразіе зависятъ отъ свободного развитія (*a libera evolutione*) въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, въ каждой семьѣ, въ каждомъ государствѣ и его различныхъ словіяхъ. Это безграничное раздѣленіе благъ, установленное премудрымъ Творцомъ природы во всей вселенной и особенно въ человѣческомъ родѣ, производитъ такимъ же образомъ бесконечно разнообразные источники жизни произведеній, дѣйствій и стремленій, а отсюда происходитъ бесконечное усовершенствованіе и гармонія. Уже въ первобытной семьѣ обнаруживается эта противоположность чрезъ различіе пола и возраста; въ государствѣ — чрезъ различіе правителя и народа, а также — чрезъ различіе сословій гражданъ, — чрезъ поколѣнія прошедшія, настоящія и будущія; наконецъ, — въ цѣломъ человѣческомъ родѣ — чрезъ различіе націй, насколько каждая изъ нихъ въ состояніи бываетъ самобытно развиваться сообразно своему климату, тѣлеснымъ и душевнымъ способностямъ, физическимъ и духовнымъ потребностямъ. Эта естественная и необходимая противоположность есть причина того, что сравнительное совершенство одного человѣка, одной семьи, одного государства обнаруживаетъ несовершенство и недостатки другого; поэтому человѣкъ нуждается въ другомъ человѣкѣ, семья — въ другой семьѣ, народъ — въ другомъ народѣ, и весь родъ человѣческій, соединенный тѣснѣйшими узами, составляетъ

одну семью: здѣсь всѣ частныя безконечно разнообразныя совершенства сводятся къ одному общему совершенству, а это послѣднее къ высшему, насколько это возможно для той или другой ступени развитія». «О, безумцы!» — обращается послѣ этого Шадъ къ защитникамъ единой всеобщей монархіи Наполеона въ Европѣ: «вы сами не знаете, чего желаете; *вы не знаете законовъ вселенной*; не знаете премудрыхъ предначертаній Творца природы; вы не знаете высшей цѣли, предначертанной человѣку. Всеобщее самодержавіе есть самая опасная для человѣческаго рода язва: оно есть нравственная смерть для народовъ, могила для всякой свободы, достоинства, совершенства, счастья человѣческаго. Но, можетъ быть, скажутъ, что всеобщее самодержавіе доставило бы наиболѣе всѣми желаемое благо — постоянный миръ и отвратило бы отъ насъ величайшее зло — войну. Хотя это и невѣрно, но пусть будетъ такъ. Но развѣ не постыденъ этотъ миръ, развѣ не достойно отвращенія то благо, которое приобрѣтается цѣною свободы и человѣческаго достоинства. Развѣ не бессмысленно то мудрствованіе, по которому всѣ націи, подобно стаду животныхъ, обреченному на кормленіе, повиновеніе и закланіе, должны покориться одному властителю. Вѣдь всякая искра стремленія къ усовершенствованію неизбежно должна угаснуть, коль скоро будетъ уничтожено противодѣйствіе между народами», и т. д. «Нація которая изъ страха или по нерадѣнію, ложному хозяйственному разсчету или по другому какому-либо недостойному побужденію избѣгаетъ справедливой войны, — покоряется волѣ одного тирана или насиліемъ дышащаго народа для того только, чтобы всѣ граждане въ кругу своей семьи могли спокойно наслаждаться всѣми благами, — такая нація обнаруживаетъ свою низость и заслуживаетъ всѣ тѣ бѣдствія, которыя угрожаютъ ей со стороны самовластия тирана, и, если не пробудится въ ней воинственный духъ, то она близка къ гибели. Не только нельзя желать вѣчнаго мира, какъ блага, достигаемаго чрезъ всеобщее самодержавіе, а скорѣе такой миръ можно назвать зломъ, даже больше: онъ есть и начало всѣхъ золъ».

Въ «Естественномъ правѣ» приводится Шадомъ тотъ же взглядъ на государство, какъ на *организмъ*, который высказалъ онъ въ указанной «Рѣчи». Съ точки зрѣнія этого взгляда Шадъ критикуетъ ученіе политиковъ о государствѣ, какъ *механизмъ*, которое господствовало почти два столѣтія. Оно состояло въ слѣдующемъ: Какъ государство, такъ и государственная власть существуетъ по *договору*. Никакой другой связи и солидарности между договаривающимися не требуется, кромѣ желанія вступитъ въ общество для внѣшней и внутренней безопасности. Такъ какъ безопасность гражданъ составляетъ главную и единственную цѣль государства, то послѣднее должно быть сильно физическою силою. Граждане обязаны безусловнымъ

повиновеніемъ установленной по договору власти. Но внутри государства дѣйствіе послѣдняго не должно простираться далѣе внѣшняго порядка и охрана имущества и личности гражданъ при помощи той же физической силы, такъ что ни нравственная, ни религіозная совѣсть гражданъ не подлежитъ контролю государства, если она не выражается какими-либо внѣшними дѣйствіями, нарушающими общественный порядокъ и спокойствіе (въ противоположность тому, какъ это было въ средніе вѣка, когда римскій первосвященникъ простиралъ свою власть и на внутреннюю духовную жизнь христіанъ). И относительно правъ и обязанностей и происхожденія ихъ нужно судить по тому же принципу, т. е. всякое право имѣетъ свое происхожденіе во взаимномъ соглашеніи или договорѣ, равно какъ и обязанности; опредѣленіе внутренней связи и отношенія между правами и обязанностями необязательно — все зависитъ отъ соглашенія или договора. Коль скоро установлены указаннымъ порядкомъ права и обязанности, государство охраняетъ права и побуждаетъ къ исполненію обязанностей страхомъ наказанія или обѣщаніемъ награды и пользы вообще. Дѣйствія государства чисто внѣшняго характера и направлены къ охранѣ порядка и внѣшняго спокойствія государства. «Заблужденіе почти всѣхъ политиковъ, говоритъ Шадъ въ «Естественномъ правѣ», состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что они утверждаютъ, что государство есть учрежденіе созданное для доставленія гражданамъ внѣшней безопасности. Отсюда, по ихъ мнѣнію, цѣль государства состоитъ лишь въ заботѣ о томъ, чтобы удовлетворить внѣшнимъ нуждамъ чловека, и внѣшнія дѣйствія его должны ограничиваться этою цѣлью. Итакъ, никакое гражданское законодательство не должно переступать предѣлы физического міра и касаться области нравственного міра или цѣлей, превосходящихъ физическую необходимость. Достаточно предписать законы, которыми гражданинъ побуждался бы къ извѣстнымъ дѣйствіямъ, т. е. такихъ, которыхъ требуетъ физическое существованіе общества или отдѣльныхъ гражданъ. Всѣ другія дѣйствія, направленные къ какой-либо высшей цѣли, должны быть представлены свободной волѣ каждаго отдѣльнаго лица. Государство не можетъ требовать отъ гражданина ничего, кромѣ внѣшнихъ дѣйствій, вынуждаемыхъ страхомъ наказаній. «Безразсуднѣйшая юриспруденція, говоритъ Шадъ, тѣхъ, которые полагаютъ, что все гражданское законодательство абсолютно состоитъ лишь въ однихъ принужденіяхъ чувственной природы, — которые, довольствуясь одними внѣшними дѣйствіями, какъ матеріею, отрицаютъ то, что слѣдуетъ требовать отъ гражданина дѣйствій, совершаемыхъ умомъ и волею, какъ будто бы гражданское общество есть нѣкотораго рода собраніе (congeries) рукъ и ногъ, которыя слѣдуетъ возбуждать механическою силою». Отно-

сительно происхожденія права Шадъ говоритъ также: «ложно мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, что всякое право возникаетъ изъ взаимнаго соглашенія или изъ государства (ex civitate). При такомъ взглядѣ на происхожденіе права изъ взаимнаго соглашенія или изъ государства нельзя достигнуть *всеобщаго, неизмѣннаго и необходимаго понятія о правѣ*, какъ того требуетъ наука. Это понятіе можно извлечь только изъ одного источника — *природы человека* или, точнѣе, — изъ разума человека (Hoc ex sola natura hominis, uti in se est, aut uti per rationem determinetur, intelligi potest). Равнымъ образомъ, при вышесказанномъ взглядѣ политиковъ нельзя точно опредѣлить внутреннюю связь между правами и обязанностями и ихъ взаимное отношеніе. Обыкновенно ихъ разсматривали отдѣльно, но такое разграниченіе между правомъ и обязанностью было вредно и опасно въ томъ отношеніи, что въ силу этого разграниченія легко могло быть оправдываемо то, что одни изъ людей могли пользоваться только правами и не принимать на себя никакихъ обязанностей, другіе, наоборотъ, — нести только обязанности и не имѣть правъ. Нѣкоторые изъ политиковъ, сознавая ненормальность разграниченія между правомъ и обязанностью, ставили вопросъ: право не слѣдуетъ выводить изъ обязанности, или, наоборотъ, — обязанность изъ права? Но напрасно они трудились надъ рѣшеніемъ этого вопроса, потому что здѣсь мы имѣемъ настоящую *антиномію*, если мы рѣшаемъ этотъ вопросъ *разсудкомъ* (intellectus) въ области опытнаго или эмпирическаго знанія. Такъ какъ характеръ права вращается въ области абсолютной свободы, а абсолютно свободенъ одинъ только *разумъ* (ratio), то и рѣшеніе вопроса о внутренней связи и отношеніи между собою права и обязанности можетъ быть рѣшенъ надлежащимъ образомъ только въ области *разума* (ratio). Въ «разумѣ и его абсолютной свободѣ состоитъ, говоритъ Шадъ, его высшее достоинство и превосходство человека, абсолютное его благо, абсолютная цѣль и абсолютное побужденіе, долженствующее опредѣлять его во всѣхъ дѣйствіяхъ. Поэтому законъ разума есть законъ абсолютной свободы. Человекъ, который стремится выразить божественную природу во всемъ образѣ своей жизни, самъ себѣ предписываетъ указанный законъ и налагаетъ на себя абсолютную необходимость свято соблюдать его. Воодушевленный этимъ божественнымъ чувствомъ, онъ устраняетъ отъ себя всякую свободу выбора дѣйствовать по закону или противъ закона; поэтому онъ силою своей свободы обращаетъ абсолютную свободу въ абсолютную необходимость и обратно, т. е. отождествляетъ ту и другую, хотя слѣдуетъ сказать, что эта необходимость неодинакова съ необходимостью, подчиняющею человека *отвнѣ*, когда принуждаютъ его къ извѣстнымъ дѣйствіямъ физическою силою. Итакъ, коль скоро найдена

область, въ которой свобода и необходимость примиряются и отождествляются, то вмѣстѣ съ тѣмъ является возможность примиренія и отождествленія права и обязанности, такъ какъ право относится къ свободѣ, а обязанность къ необходимости. Какъ выводы изъ вышесказаннаго, въ книгѣ Шада встрѣчаются такого рода положенія: «Человѣкъ есть самъ себѣ абсолютный законодатель». «Человѣку не подобаетъ быть рабомъ, какъ только у *самого себя*». «Положительные законы должны быть въ соответствіи съ законами разума и имѣть послѣдніе въ своемъ основаніи». Шадъ ставитъ себя въ особую заслугу то, что онъ указалъ *гармонію* между правомъ и обязанностью, удержавши въ то же время различіе между ними. «Чѣмъ болѣе прогрессъ, говоритъ онъ, давала, повидимому, философія, тѣмъ худшіе были принципы права. Критическая философія (Канта) мало помогла устраненію этого зла, такъ какъ, казалось, еще болѣе утвердила эту фатальную и опасную рознь между правомъ и обязанностью».

Второй, руководящій въ рѣшеніи политическихъ и правовыхъ вопросовъ, есть принципъ *эволюціи* (evolution) или развитія. Законъ развитія или эволюціи есть законъ, господствующій во всей вселенной. *Natura non agit per saltus*. Этотъ законъ простирается и на человѣка, какъ индивидуумъ, и на общество, и на государство. «*Hominis natura cogitari non potest, nisi progrediens*». «Человѣкъ переживаетъ по своей природѣ три состоянія, а именно: *животное, естественное и высшее* (supernaturalis). Въ этой какъ бы скалѣ своего существованія онъ непрерывно то восходитъ, то нисходитъ. Когда онъ восходитъ, то не иначе, какъ влечетъ низшую природу къ высшей ступени и соединяетъ ее съ природою высшею. Такимъ образомъ, соединивши животную природу съ человѣческой, а затѣмъ ту и другую—съ божественною, создаетъ цѣлое, изъ котораго происходитъ истинный человѣкъ». «Физическое состояніе есть первое условіе нравственнаго состоянія». Шадъ требуетъ на основаніи этого защиты и огражденія тѣлесной природы человѣка отъ всякаго насилія, а это возможно лишь въ *гражданскомъ обществѣ*. Гражданское общество есть *среда*, въ которой развивается человѣческая природа». Гражданское состояніе, по Шаду, есть *единственная школа истинной человѣчности* (unica est schola verae humanitatis). Только въ этомъ состояніи могутъ пробуждаться и совершенствоваться всѣ силы человѣка; здѣсь... поприще добродѣтели и совершенствованія, здѣсь сознаются права и обязанности; благодаря обществу и государству человѣкъ переходитъ отъ животнаго состоянія въ состояніе разумное и получаетъ возможность познать и уразумѣть свое высшее назначеніе, согласно съ его природою. На этомъ основаніи социальное состояніе, и въ особенности *гражданское*, Шадъ считаетъ *естественнымъ*

(naturalis) состояніемъ для человѣка. Вотъ здѣсь-то, т. е. въ гражданскомъ обществѣ, должны имѣть свое мѣсто законы, которые предписываются внѣшнею силою или властью, и внѣшняя же принудительная сила заставляетъ его исполнять ихъ; эта сила есть сила *физическая*. Законы должны быть направлены къ огражденію физическаго существованія человѣка, къ защитѣ его жизни и охранѣ его имущества. Безпрепятственное развитіе и усовершенствованіе возможно только при безопасности жизни; имущество же служитъ средствомъ и пособіемъ къ успѣшнѣйшему развитію и усовершенствованію человѣка. Поэтому *необходимо, чтобы право каждого гражданина на преслѣдованіе имъ предназначенной ему природою высшей цѣли никоимъ образомъ не нарушилось и не тормозилось; для этого государство обязано всеми средствами, какія только находятся въ его власти, упрочить за нимъ это право*. «Къ этому универсальному праву могутъ быть сведены всѣ остальные права», говоритъ Шадъ. Поэтому неудивительно, если Шадъ въ своемъ «Естественномъ правѣ» предъявляетъ такія требованія, которыя не соотвѣтствовали русской жизни и послужили предметомъ обвиненія его. Онъ требуетъ абсолютной свободы совѣсти и свободы вѣроисповѣданія, свободы разума и мысли, свободы университетскаго преподаванія; онъ возстаетъ противъ деспотизма въ семьѣ, ставитъ въ обязанность родителямъ давать соотвѣтствующее образованіе дѣтямъ, а съ окончаніемъ образованія и съ совершеннолѣтіемъ ихъ признавать независимость ихъ и равноправность; онъ энергично возстаетъ противъ существованія рабства, въ какомъ бы видѣ оно ни являлось и т. д.¹⁾

Въ заключеніе неизлишне указать на взглядъ Шада на французскую революцію. Не смотря на свое либеральное направленіе и защиту свободы, Шадъ осудилъ французскую революцію. «Природа, говоритъ онъ въ «Естественномъ правѣ», мститъ и наказываетъ съ невыразимою жестокостью насиліе противъ *закона развитія*. Этому учитъ насъ французская революція своимъ богатымъ и вмѣстѣ печальнымъ примѣромъ: она, подъ предлогомъ естественныхъ правъ, опираясь на коихъ и поднявъ голову, силилась ниспровергнуть однимъ ударомъ форму правленія, длиннымъ рядомъ вѣковъ сложившуюся и обнаружившую жизненную силу». Вообще съ точки зрѣнія закона развитія человѣческихъ обществъ и различныхъ слоевъ общества Шадъ является очень умѣреннымъ и сдержаннымъ мыслителемъ, напр.: когда онъ въ «Естественномъ правѣ» трактуетъ «о первоначальныхъ правахъ» человѣка, въ частности—о «правѣ свободно мыслить, хотѣть и дѣйствовать», то допускаетъ много ограниченій, — даже больше, чѣмъ мы могли бы ожидать отъ либеральнаго

¹⁾ Смотри. Д. И. Багалъй. „Удаленіе проф. И. Е. Шада изъ Харьковскаго университета“, стр. 143—144.

мыслителя¹⁾. Въ 1796 году Шадъ, будучи еще въ монастырѣ, написалъ сочиненіе: «Причины, могущія едѣлать каждаго гражданина Германіи и въ особенности низшаго разряда довольнымъ своимъ состояніемъ, такъ что оный болѣе ужасается французской революціи, чѣмъ желать долженъ». Это сочиненіе снова издано имъ въ Россіи. Въ 1794 году имъ написана «Печальная пѣснь на смерть Людовика XVI» и имъ же самимъ переложена на музыку.

Объ *И. Е. Шадъ* напечатано на русскомъ языкѣ: *Гогоцкій*: Философскій Словарь; *Н. А. Лавровскій*: «Эпизодъ изъ исторіи Харьковского университета» (статья, помѣщен. въ «Чтеніяхъ исторіи и древностей російскихъ» за 1873 г. Январь—Мартъ книга первая); *Д. И. Багалъ*—въ его «Исторіи Харьковского университета»; *его же* этюдъ: «Удаленіе профессора Шада изъ Харьковского университета». Харьковъ. 1899 г.; *О. Зеленогорскій*: «И. Е. Шадъ» (*Биографія* въ Запискахъ Харьковского университета за 1896 г., книга 2-я); *Логика* Шада въ журналѣ: «Вопросы философіи и психологіи» за 1895 г. Мартъ и Ноябрь; *Institutiones juris naturae*—Естественное право. Шада. Записки Харьковского университета за 1900 г.

Дудровичъ Андрей Ивановичъ, докторъ философіи, ординарный професоръ, родился въ Венгріи въ 1782 году, происходилъ изъ духовнаго иностраннаго званія (какъ значится въ формулярномъ спискѣ). Низшіе классы гимназіи проходилъ въ Кашавѣ, высшіе классы въ Офенѣ въ Венгріи, затѣмъ поступилъ въ Пештскій университетъ въ 1799 году. По окончаніи курса въ университетѣ въ 1803 году онъ поступилъ въ академію въ Кашавѣ, гдѣ обучался венгерскому праву въ продолженіе одного года. По окончаніи курса здѣсь въ 1804 году онъ исправлялъ должность присяжнаго нотариуса судебной королевской палаты въ Пештѣ по 1806 годъ. Отсюда опредѣленъ Харьковскимъ университетомъ учителемъ естественной исторіи, технологіи и коммерціи въ Черниговскую гимназію, а затѣмъ переведенъ въ Харьковскую Слободско-Украинскую гимназію учителемъ тѣхъ же предметовъ и латинскаго языка въ старшихъ классахъ. Въ 1814 году Дудровичъ защитилъ въ Харьковскомъ университетѣ на степень доктора философіи диссертацию подъ заглавіемъ: «De philosophiae genuino conceptu, nec non necessitate ejus absoluta» и претендовалъ на званіе адъюнкта при кафедрѣ философіи. Такъ какъ претендентовъ на это званіе оказалось двое, то имъ обоимъ совмѣстно произведено было въ

¹⁾ Смотри. *Зеленогорскій*. И. Г. Шадъ: „Institutiones juris naturae“, стр. 24 и слѣд.

факультетѣ конкурсное испытаніе. Отвѣты Дудровича на этомъ испытаніи признаны факультетомъ несравненно болѣе удовлетворительными, чѣмъ отвѣты другого конкуррента. При этомъ профессоръ философіи *Шадъ* рекомендовалъ факультету Дудровича, какъ претендента, хорошо освѣдомленнаго въ новѣйшихъ философскихъ системахъ: Канта, Фихте и Шеллинга и прекрасно владѣющаго латинскимъ языкомъ. Вслѣдствіе всего этого Дудровичъ былъ избранъ адъюнктомъ при кафедрѣ философіи въ Харьковскомъ университетѣ въ 1814 году ¹⁾).

Въ 1819 г. Дудровичъ представилъ въ факультетъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «*Tractatus de philosophiae statu praesente historico-criticus*, по которому и получилъ званіе ординарнаго профессора. Былъ инспекторомъ студентовъ, но скоро отказался отъ этой должности по нездоровью, въ виду трудности ея. Наконецъ, былъ ректоромъ университета. Въ этой должности онъ и умеръ въ 1830 году.

Кромѣ вышеуказанныхъ двухъ сочиненій, изъ которыхъ послѣднее, повидимому, не напечатано, а осталось въ рукописи при дѣлахъ факультета, Дудровичъ напечаталъ еще рѣчь: «*De studii academici natura*» въ 1815 г. и «Отрывки о животномъ магнетизмѣ» въ Украинскомъ Вѣстникѣ за 1818 г. Послѣдніе заимствованы изъ сочиненій *Вебера* и *Клуге*, а также другихъ «достоувѣрнѣйшихъ» писателей и содержатъ въ себѣ краткую исторію магнетизма, нѣкоторые опыты, объясняющіе возможность онаго и лѣченія посредствомъ его. Въ концѣ статьи о магнетизмѣ авторъ общалъ еще разъ возвратиться къ тому же вопросу и представить «философское разсужденіе» о немъ и объясненіе его, но почему-то не исполнилъ этого обѣщанія.

Трудно охарактеризовать опредѣленно и точно философское направленіе, котораго держался Дудровичъ. Повидимому, предупрежденіе Министра Народнаго Просвѣщенія относительно философской системы Шеллинга и нежелательности ея распространенія въ учебныхъ заведеніяхъ, а равно и судьба, постигшая профессора *Шада* въ Харьковскомъ университетѣ, заставили Дудровича быть сдержаннымъ какъ на кафедрѣ, такъ

¹⁾ Прежде чѣмъ утвердить Дудровича въ званіи адъюкта при кафедрѣ философіи, Министръ Народнаго Просвѣщенія на основаніи рекомендаціи *Шада*, что „Дудровичъ довольно свѣдуущъ въ системахъ новѣйшихъ философовъ: Канта, Фихте и Шеллинга“, предложилъ университету „безпристрастно донести ему, какой системы при преподаваніи философскихъ наукъ придерживается проф. *Шадъ*, равно какъ и Дудровичъ, а также—одобрять ли оныя университетъ“, предупреждая, что „съ видами Министерства Просвѣщенія не можетъ быть сообразно распространеніе въ учебныхъ заведеніяхъ ученія Шеллинга“. Повидимому, совѣтъ университета далъ благопріятный для Дудровича отвѣтъ, такъ какъ онъ 24 августа 1814-го года былъ утвержденъ министромъ въ званіи адъюкта.

и въ сочиненіяхъ. Его докторская диссертация написана еще подъ вліяніемъ Шада и его философскаго направленія. Есть основаніе предполагать, что Дудровичъ сочувствовалъ философіи Шеллинга, напр.: въ своемъ «Историко-критическомъ трактатѣ о современномъ состояніи философіи» онъ, сравнивая философію Шеллинга съ философіею Канта, критикуетъ послѣднюю и отдаетъ предпочтеніе первой и вообще относится къ Шеллингу и его философіи съ особеннымъ пристрастіемъ. Согласно съ духомъ времени, а можетъ быть, согласно и настроенію собственнаго духа и внутреннему влеченію, Дудровичъ склонился къ той сторонѣ философіи Шеллинга, которая вела къ *религіозному мистицизму*. Самъ Шеллингъ послѣ его «Натурфилософіи» и «Философіи тождества» болѣе и болѣе проникался этимъ мистицизмомъ, а нѣкоторые изъ послѣдователей его шли еще дальше въ этомъ направленіи. Авторитеты для Дудровича, повидимому, тѣ изъ послѣдователей Шеллинга, которые принадлежали къ этой послѣдней генераціи, какъ-то: Баадеръ, Шубертъ и другіе, сюда относящіеся. Это-то направленіе философско-религіознаго мистицизма и привело, повидимому, Дудровича къ изученію «Животнаго магнетизма». Приведемъ здѣсь заключительное мѣсто изъ его статьи «О животномъ магнетизмѣ». «Безъ *натуральной философіи*, говоритъ онъ, и основывающагося на ней *динамическаго ученія* ни на шагъ ступить нельзя при истолкованіи животнаго магнетизма. Одно динамическое ученіе, по моему мнѣнію, можетъ намъ изъяснить всѣ дѣйствія какъ физическаго, такъ и духовнаго міра, сколько они человѣчески могутъ быть изъяснены касательно дѣйствій духовнаго міра (о *возрожденіи*, напр., открываемомъ намъ изъ главнѣйшихъ основаній христіанской религіи)». Помощью одной *динамической философіи*¹⁾ получить можно о *возрожденіи* истинное понятіе, согласное съ Священнымъ Писаніемъ, по которому существо онаго состоитъ въ *дѣйствіи Божественной силы выше на пріемлемость* (т. е. совершенную преданность, страданіе, отреченіе отъ самости) *возраждающагося*; слѣд., въ *динамическомъ* (т. е. живомъ, внутреннемъ) *проникновеніи духа человѣческаго Духомъ Божиимъ*». Дудровичъ считалъ себя истиннымъ христіаниномъ, глубоко убѣжденнымъ въ богооткровенныхъ истинахъ христіанской религіи, не требующихъ со стороны естественнаго (naturalis) человѣческаго разума какаго-либо анализа, чтобы быть принятыми. Въ своемъ «Историко-критическомъ трактатѣ о современномъ состояніи философіи» онъ говоритъ о своихъ вышеуказанныхъ авторитетахъ подъ рубрикою «Christianismus» и называетъ ихъ твердо (firmissime) убѣжденными въ божественности

¹⁾ „О динамической философіи“ смотр. Baader. Beiträge zur dynamischen Philosophie.

христіанской религіи и далекими отъ того, чтобы судить о богооткровенныхъ истинахъ съ точки зрѣнія естественнаго разума (*tantum abest, ut veritates divinitas nobis revelatas ad trutinam rationis naturalis vocent*). Несомнѣнно, что то же самое относится и къ самому Дудровичу.

Среди студентовъ о профес. А. И. Дудровичѣ осталось хорошее воспоминаніе. Одинъ изъ нихъ пишетъ о немъ: «Дудровичъ читалъ и естественное право по руководству Шада. Чтеніе по содержанію предмета было серьезное, но понятное, занимательное, теплое и нерѣдко увлекательное... мы любили кроткаго и благодушливаго профессора и съ грустью встрѣтили еще раннюю и неожиданную его кончину» ¹⁾.

Объ А. И. Дудровичѣ *Д. И. Багалъй* въ его «Исторіи Харьковскаго Университета».

Ө. А. Зеленогорскій.

Чановъ Оеодоръ Оеодоровичъ, ординарный профессоръ. Онъ былъ сынъ поручика; воспитывался въ Дворянской гимназіи при Московскомъ университетѣ. Въ 1804 году, по окончаніи курса въ гимназіи, онъ препровожденъ былъ въ «Ярославское Демидовское высшихъ наукъ училище», гдѣ и кончилъ курсъ. По выходѣ изъ училища онъ поступилъ въ штатъ полиціи въ Ярославлѣ квартальнымъ надзирателемъ. Отсюда онъ перешелъ въ пансіонъ при Демидовскомъ училищѣ учителемъ математики, всеобщей исторіи, географіи и словесности, а затѣмъ въ Ярославскую гимназію учителемъ латинскаго языка. Въ 1826 году онъ снова перешелъ на гражданскую службу и служилъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ до 1830 года. Въ этомъ году онъ былъ опредѣленъ директоромъ училищъ Слободско-Украинской губерніи. Потомъ попечитель Харьковскаго учебнаго округа Филантьевъ, по собственной инициативѣ, предложилъ ему принять на себя чтеніе лекцій по «умозрительной и практической философіи» въ университетѣ и не далѣе, какъ чрезъ полгода представилъ его министру народнаго просвѣщенія къ утвержденію въ должности ординарнаго профессора, что и послѣдовало безпрепятственно въ непродолжительномъ времени. Въ этой должности Чановъ оставался съ 1831 года по 1834 годъ, а затѣмъ переведенъ былъ въ Ришельевскій лицей въ Одессу инспекторомъ этого лица.

Пребываніе Чанова въ должности ординарнаго профессора въ Харьковскомъ университетѣ по каедрѣ философіи представляетъ печальную страницу въ исторіи каедръ философіи въ Харьковскомъ университетѣ. Имя бывшаго квартальнаго надзирателя, читавшаго лекціи по умозритель-

¹⁾ Смотр. *Д. И. Багалъй*. Опытъ исторіи Харьковскаго университета, томъ 2-й.

ной и практической философіи въ Харьковскомъ университетѣ, традиціонно передавалось и до сихъ поръ передается въ университетѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Само собою разумѣется, что порученіе чтенія лекцій по столь важному и трудному предмету, какъ умозрительная философія, тому, который никакими трудами въ этой области не заявилъ себя, не говоря уже о докторской диссертации, котораго увлекала другая сфера дѣятельности.— было, по крайней мѣрѣ, странно и ненормально. Самъ Чановъ чувствовалъ и признавалъ свою неподготовленность къ дѣятельности на указанномъ ему г. попечителемъ поприщѣ, и въ своемъ «рапортѣ» г. попечителю писалъ, что въ своихъ лекціяхъ онъ будетъ руководствоваться *умозрѣніями* Шада и *нравовученіемъ* Дудровича и сколько возможно *точнѣе* (?) передавать ученіе ихъ и тѣмъ привлекать вниманіе слушателей». Последняго онъ, однако, не достигъ, иначе не послѣдовалъ бы въ Министерство Народнаго Просвѣщенія *доносъ*¹⁾ на его неспособность быть профессоромъ въ университетѣ и имя его не перешло бы въ устное преданіе въ университетѣ. Факультетъ и совѣтъ университета неотвѣтственны были за такого непригоднаго для университета преподавателя, такъ какъ приглашеніе Чанова въ университетъ и ходатайство объ утвержденіи его въ должности ординарнаго профессора исходили исключительно отъ г. попечителя, помимо факультета и совѣта университета. Хотя г. попечитель въ своемъ представленіи Чанова къ утвержденію ординарнымъ профессоромъ и писалъ, что Чановъ вполнѣ оправдалъ довѣріе университета своими способностями и познаніями, но официально нигде не видно, чтобы университетъ выражалъ свое довѣріе Чанову; а равно не видно и того, чтобы университетъ засвидѣтельствовалъ, что Чановъ оправдалъ его довѣріе; тѣмъ болѣе подлежитъ сомнѣнію то, что писалъ г. попечитель въ своемъ представленіи дальше: «члены университета съ нетерпѣніемъ ожидаютъ минуты видѣть въ немъ (Чановѣ) достойнаго ихъ сотрудника, обратившаго уже на себя общее ихъ вниманіе и одобреніе обширными познаніями своими по части философіи». Это мѣсто въ представленіи скорѣе характеризуетъ дѣйствія попечителя въ этомъ дѣлѣ. Напротивъ, нѣкоторые изъ членовъ университета, а именно—тѣ, которые составляли училищный комитетъ, успѣли уже познакомиться съ цѣлымъ рядомъ неблагоприятныхъ упущеній и неисправностей, допущенныхъ Чановымъ на должности директора училищъ, и медлили выдачею ему аттестата, не смотря на требованія со стороны г. попечителя, такъ что это вызвало переписку и нѣкотораго рода препирательство между училищнымъ совѣтомъ и попечителемъ. Думаемъ,

1) О доносѣ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія смотр. *Д. И. Багалій. Опытъ исторіи Харьковскаго Университета*, томъ 2-й.

что уже съ этой стороны члены университета находили нежелательнымъ имѣть въ своей средѣ такого товарища и сослуживца.

Въ 1832 году Чановымъ произнесена была на торжественномъ актѣ университета рѣчь, которая и напечатана. Напрасно мы стали бы отыскивать въ этой рѣчи какіе-либо слѣды опредѣленнаго философскаго міровоззрѣнія. Заглавіе рѣчи слѣдующее: «Объ основныхъ формахъ, изображающихъ явленія нравственной жизни, или объ основныхъ нравственныхъ должностяхъ человѣка, опредѣляющихъ и степень нравственного совершенствованія его и способъ къ достиженію его назначенія». Эти «основныя формы явленій истинно-нравственной жизни и добродѣтели человѣка сосредоточиваются, говоритъ авторъ, въ основныхъ должностяхъ его къ Богу, самому себѣ и другимъ». Такимъ образомъ, вся рѣчь посвящена разглагольствованію о томъ, что извѣстно каждому съ малыхъ лѣтъ.

О Чановѣ смотр. Д. И. Багалъй — Опытъ исторіи Харьковскаго Университета.

О. А. Зеленогорскій.

Гренбергъ Осипъ Ивановичъ¹⁾, адъюнктъ по кафедрѣ философіи, родился въ 1802 г. въ Лифляндіи; первоначальное образованіе получилъ въ Филинскомъ уѣздномъ училищѣ; послѣ того обучался въ Кенигсбергской гимназіи, по окончаніи которой поступилъ въ Дерптскій университетъ, гдѣ изучалъ богословскія науки и получилъ (въ 1822 г.) степень кандидата философіи. Съ 1828 года состоялъ лекторомъ нѣмецкаго языка въ Харьковскомъ университетѣ, а въ 1831 г. былъ назначенъ, по ходатайству попечителя В. И. Филатьева, адъюнктомъ къ Чанову, съ порученіемъ читать антропологию и логику.

Научная подготовка и преподавательскія способности Гренберга, судя по отзывамъ современниковъ, были весьма незначительны. Объ этомъ одинаково свидѣлствуютъ всѣ дошедшіе до насъ отзывы, за исключеніемъ отзыва попечителя В. И. Филатьева²⁾, покровительство котораго и дало Гренбергу возможность войти въ профессорскую среду. Такъ, напр., въ анонимной жалобѣ на Филатьева министру, исходившей изъ университетской среды, о Гренбергѣ говорится, что онъ «къ про-

¹⁾ Биографическія свѣдѣнія о Гренбергѣ извлечены изъ 2-го тома „Опыта исторіи Харьковскаго университета“ проф. Д. И. Багалъя и изъ дѣлъ университетскаго архива.

²⁾ В. И. Филатьевъ въ своемъ отчетѣ о первоначальныхъ распоряженіяхъ по университету, представленномъ въ 1831 г. министру, отзывается о Гренбергѣ, какъ о „весьма способномъ и знающемъ“ человѣкѣ, но этотъ отзывъ внушаетъ мало довѣрія, ибо самъ Филатьевъ ни въ какомъ учебномъ заведеніи не учился и извѣстенъ своею малообразованностью.

фессорскому званію никогда не готовился и никакихъ знаній не имѣеть»; Н., бывшій питомецъ Харьковскаго университета, въ своихъ воспоминаніяхъ сообщаетъ, что всѣ слушатели Гренберга «постоянно твердили о его бездарности и невѣжествѣ»; С. Л. Геевскій, бывшій слушатель Гренберга, въ своей автобіографіи передаетъ, что лекціи Гренберга вызывали смѣхъ и посѣщеніе его лекцій было «веселымъ препровожденіемъ времени» для студентовъ. Не лучшаго мнѣнія о Гренбергѣ былъ и попечитель гр. Ю. А. Головкинъ (преемникъ Филатьева), который, упоминая въ своей официальной «запискѣ о состояніи Харьковскаго университета» о томъ, что университетъ лишился трехъ преподавателей—Чанова, Экеблята и Гренберга, признавалъ эту потерю «не заслуживающей вниманія».

Гренбергъ состоялъ адъюнктомъ съ 1831 по 1833 г. Въ теченіе этого времени онъ преподавалъ логику студентамъ 1-го курса этико-политическаго, физико-математическаго и словеснаго факультета и психологию студентамъ 1-го курса двухъ послѣднихъ факультетовъ, при чемъ оба предмета преподавались имъ *по конспекту проф. Чанова*, «подъ непосредственнымъ наблюденіемъ» попечителя В. И. Филатьева. Преподаваніе этихъ предметовъ, по свидѣтельству В. И. Филатьева, велось «съ направленіемъ истиннымъ и благонамѣреннымъ».

Ученыхъ трудовъ Гренбергъ послѣ себя не оставилъ, если не считать его «Разсужденія объ отношеніи, въ которомъ находится общее право къ положительному праву, къ философіи положительнаго права, къ политикѣ и этикѣ» (Харьковъ, 1833 г.). Это сочиненіе, по признанію самого автора, представляетъ собою разсужденіе *на заданную тему*; въ «Разсужденіи» нѣтъ ни одной ссылки. Все сочиненіе носитъ печать духа времени, когда всякій авторъ философскаго трактата, не желавшій прослыть неблагонамѣреннымъ, долженъ былъ твердо помнить, что *philosophia est ancilla theologiae*¹⁾.

Е. II—въ.

Протопоповъ Матвѣй Николаевичъ, докторъ философіи, ординарный профессоръ. Родился въ 1794 г.; происходилъ изъ духовнаго званія. Окончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ по двумъ факультетамъ: словесному (нынѣ историко-филологическому) и юридическому (по этико-политическому отдѣленію) и по обоимъ факультетамъ удостоенъ въ 1822 году степени кандидата. На службу поступилъ онъ въ Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ учителемъ исторіи и географіи въ 1823 году, гдѣ и оставался до половины 1827 года. Въ то же время въ 18²³/₂₄ и 18²⁴/₂₅

¹⁾ Свѣдѣнія о Гренбергѣ, какъ о лекторѣ нѣмецкаго языка, см. ниже, въ историч. очеркѣ лектуры нѣмецкаго языка, составленномъ Г. Ю. Ирмеромъ.

академическихъ годахъ онъ преподавалъ въ университетѣ логику. Въ 1827 онъ оставилъ службу въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, уволившись по прошенію, и, по приглашенію русскаго посланника въ Лондонѣ, отправился за границу. Здѣсь предметомъ его научныхъ занятій были по преимуществу реторика и изящная словесность съ эстетикою, къ чему онъ, по его собственному признанію, чувствовалъ особенную наклонность и влеченіе. Въ Лондонѣ онъ перевелъ на русскій языкъ «Курсъ словесности» *Блэра*, который пользовался въ то время особенною популярностію и «Эстетику» *Бутервека* съ собственными примѣчаніями. По возвращеніи изъ-за границы онъ въ 1834 году опредѣленъ былъ въ Харьковскій университетъ адъюнктомъ для преподаванія философіи. Въ 1837 году ему предоставлена была въ университетѣ кафедра философіи съ званіемъ экстраординарнаго профессора. Въ 1839 году, по защитѣ докторской диссертации, онъ удостоился степени доктора философіи и утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Въ 1850 году кафедра философіи была закрыта въ русскіихъ университетахъ, и М. Н. Протопоповъ былъ перемѣщенъ на вакантную въ то время въ Харьковскомъ университетѣ кафедру политической экономіи, которую и занималъ до самой своей смерти. Кромѣ прямыхъ своихъ профессорскихъ обязанностей, онъ былъ 8 лѣтъ деканомъ историко-филологическаго факультета, одинъ годъ былъ инспекторомъ студентовъ, потомъ — инспекторомъ классовъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, съ конца 1850 до половины 1856 года. Также онъ былъ нѣсколько разъ командированъ для ревизіи и открытія училищъ. По выслугѣ 25 лѣтъ по учебной и педагогической дѣятельности М. Н. Протопоповъ избранъ былъ совѣтомъ университета еще на 5 лѣтъ, но Министромъ Народнаго Просвѣщенія оставленъ былъ только на 2½ года. Однако онъ не дожилъ и до этого срока и послѣ кратковременной болѣзни умеръ на 63 году своей жизни, 19 октября 1857 года.

Въ его характерѣ одинъ изъ его слушателей (въ краткой біографіи М. Н. Протопопова, оставшейся въ рукописи) отмѣчаетъ доброе сердце и прямодушіе, за что студенты любили его; но самую отличительною чертою его характера было глубокое религіозное чувство. Еще будучи студентомъ, онъ былъ членомъ и директоромъ Харьковского отдѣленія Библейскаго общества, а потомъ, будучи профессоромъ, онъ съ особенною любовью исполнялъ должность старосты при университетской церкви въ теченіе 20 лѣтъ.

Что же касается философскихъ знаній и воззрѣній его, какъ представителя кафедры философіи, то хотя онъ до поступленія своего въ университетъ въ качествѣ преподавателя философіи и изучалъ по преимуществу реторику и изящную словесность съ эстетикою, тѣмъ не менѣе

онъ не былъ, какъ его предшественникъ проф. Чановъ, совершенно несвѣдующимъ въ области философскихъ наукъ и чуждымъ философскихъ запросовъ и философскихъ теченій того времени. Эти запросы могли быть возбуждены въ немъ лекціями проф. Дудровича, ученика проф. Шада; да и занятія эстетикою могли приводить его въ соприкосновеніе съ обще-философскими вопросами; особенно — эстетика Бутервека, послѣдователя философіи Канта. Повидимому, онъ въ бытность свою за границей познакомился также съ «Исторіею философіи» и другими сочиненіями французскаго философа Кузена (Cousin); по крайней мѣрѣ въ его рѣчи, написанной для торжественнаго акта въ университетѣ 1841 года, указывается на это его знакомство. Черезъ Кузена, извѣстнаго, между прочимъ, своимъ переводомъ діалоговъ Платона, М. Н. Протопоповъ могъ познакомиться съ философіею и сочиненіями Платона на французскомъ языкѣ. И вотъ мы видимъ: проф. Протопоповъ въ указанной нами рѣчи развиваетъ свое философское воззрѣніе на вселенную съ точки зрѣнія философіи Платона. «Этотъ планъ мірозданія, говоритъ онъ здѣсь, эти образы всѣхъ существъ не иное что могутъ быть, какъ предначертанія Божескаго разума, осуществляемые въ сферѣ пространства и времени различными явленіями дѣйствительнаго бытія. Они суть Божескія мысли, прототипы всего сущаго, которые Платонъ, царь древнихъ философовъ, столь глубокомысленно называлъ идеями; частныя же движенія жизни, въ которыхъ онѣ постепенно выражаются, суть лишь видимыя явленія оныхъ, такъ что весь міръ, доступный нашему познанію, необходимо оказывается составленнымъ изъ царства идей, или міра идеальнаго, и царства явленій, или міра феноменальнаго (22 стр.). И далѣе: «Итакъ, истинное бытіе заключается въ идеяхъ; въ явленіяхъ же отражается тѣнь того бытія или только кажущееся бытіе (ibid). Судя по положенію и энергіи, съ которою развиваются въ рѣчи указанныя мысли, онѣ выражаютъ, повидимому, міровоззрѣніе, усвоенное самимъ авторомъ рѣчи, которое и легло, вѣроятно, въ основаніе развитія всѣхъ его философскихъ идей. Въ противоположность Чанову, который истинное знаніе приписывалъ вѣрѣ и любви и отрицалъ способность разума познать истину, проф. Протопоповъ познаніе «божескихъ идей» относилъ къ разуму и называлъ его «истиннымъ органомъ философіи». Въ самой религіи онъ указывалъ мѣсто разуму и философіи. Нужно, говоритъ онъ въ той же рѣчи, различать религію естественную, религію разума, отъ религіи откровенной, божественной, христіанской. Ясно, что ученіе первой составляетъ одну изъ частей той же самой философіи, потому что оно имѣетъ предметомъ своимъ высочайшую идею Божества, эту идею идей, коихъ изслѣдованіе составляетъ прямое содержаніе оной» (27 стр.).

Лекціи проф. Протопопова, повидимому, не отличались ясностью по изложенію и далеко не всегда были удобопонятны для слушателей. На это есть указаніе въ «воспоминаніяхъ» о немъ его слушателей.

Изъ печатныхъ философскихъ сочиненій его извѣстны только два: 1) «Объ истинномъ предметѣ философіи и соотвѣтственномъ оному составѣ ея» — докторская диссертация 1839 года. Харьковъ; 2) Рѣчь для университетскаго акта подѣ заглавіемъ «Какое, собственно, мѣсто принадлежитъ философіи въ системѣ движеній человѣчества, опредѣляющихъ полную сферу его умственнаго развитія», 1841 года. Харьковъ. Что же касается переводовъ его на русскій языкъ, указанныхъ выше: «Эстетики» *Бутервека* и «Курса словесности» *Блэра* (3 т.), то они остались въ рукописи по недостатку средствъ для напечатанія ихъ. Также остались въ рукописи многіе *мемуары*, относящіеся къ разнымъ предметамъ философіи. По «этимъ мемуарамъ онъ надѣялся, какъ самъ онъ пишетъ въ своемъ «рапортѣ» г. попечителю учебнаго округа, составить собственный курсъ философіи, нарочито соотвѣтствующій кореннымъ началамъ русской жизни, началамъ православія, самодержавія и народности». (Изъ этихъ мемуаровъ 14 тетрадей представлено было имъ г. попечителю учебнаго округа: онъ получены имъ обратно по минованіи надобности въ нихъ).

Θ. А. Зеленогорскій.

Зеленогорскій Θ. А., заслуженный ординарный профессоръ, докторъ философіи, сынъ сельскаго священника Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда; родился въ 1839 году; воспитывался въ Нижегородской духовной семинаріи, гдѣ окончилъ полный курсъ въ 1862 году. Еще въ 1861 г. ему предложено было семинарскимъ начальствомъ ѣхать въ С.-Петербургскую духовную академію на казенный счетъ, но онъ отказался, въ полной надеждѣ, что чрезъ годъ онъ, болѣе приготовленный къ приѣмному экзамену, посланъ будетъ на тѣхъ же условіяхъ въ Казанскую духовную академію. Черезъ годъ, при окончаніи имъ полнаго семинарскаго курса, неожиданный для него случай едва не испортилъ его будущую карьеру.

Извѣстно, что въ то время въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ началось либеральное просвѣтительное движеніе. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ одномъ изъ первыхъ городовъ Россіи, была открыта публичная бібліотека. Первоначально посѣщать эту бібліотеку не возбранялось начальствомъ и семинаристамъ; но съ большимъ и большимъ развитіемъ либеральныхъ идей въ обществѣ семинарское начальство усилило съ своей стороны бдительный надзоръ за воспитанниками семинаріи и подозрительно стало смотрѣть на тѣхъ изъ нихъ, которые посѣщали публичную бібліотеку; малѣйшее отступленіе отъ обычной семинарской жизни и правилъ, предписанныхъ

начальствомъ, преслѣдовалось или, по крайней мѣрѣ, принималось во вниманіе при дальнѣйшемъ надзорѣ. При такихъ-то условіяхъ Зеленогорскому пришлось держать окончательный экзаменъ въ семинаріи. На этотъ экзаменъ назначенъ былъ ревизоръ изъ мѣстнаго высшаго начальства. Этому-то ревизору отвѣтъ Зеленогорскаго по Св. Писанію на экзаменѣ показался почему-то подозрительнымъ и вызвалъ крайнее неудовольствіе; экзаменъ окончился тѣмъ, что Зеленогорскій снесенъ былъ во второй разрядъ въ списокъ съ помѣткою: «сносится во второй разрядъ за то, что при отвѣтѣ на экзаменѣ по Св. Писанію говорилъ ложь и эту ложь подтверждалъ Св. же Писаніемъ; вообще видно, что онъ во мѣстнаго духа». Послѣ этого, конечно, Зеленогорскому нельзя было и думать о поѣздкѣ въ духовную академію на казенный счетъ. Лишь послѣ цѣлаго ряда усиленныхъ просьбъ и ходатайствъ со стороны ближайшаго семинарскаго начальства и послѣ прочтенія срочныхъ богословскихъ сочиненій Зеленогорскаго за цѣлый годъ ревизоръ уступилъ, и Зеленогорскій посланъ былъ въ Казанскую духовную академію на казенный счетъ, гдѣ и былъ принятъ студентомъ по пріемному экзамену.

Здѣсь Зеленогорскій прежде всего старался восполнить свое общее образованіе какъ чрезъ читанные съ каѳедры курсы, такъ и чрезъ чтеніе русскихъ журналовъ, тогда издававшихся. Еще въ семинаріи онъ чувствовалъ наклонность къ занятіямъ философскими науками и встрѣчалъ поощреніе въ этомъ со стороны преподавателей реторики, логики и психологіи. Въ академіи онъ столкнулся съ матеріализмомъ какъ въ нѣкоторыхъ русскихъ журналахъ, такъ и среди студентовъ, которые читали и даже заучивали наизусть цѣлыя страницы сочиненія Бюхнера «Stoff und Kraft», литографированный переводъ котораго на русскій языкъ ходилъ по рукамъ. Много было работы мысли, чтобы расчитаться съ матеріализмомъ; на это посвященъ былъ имъ цѣлый годъ среди другихъ занятій. Вторымъ философскимъ предметомъ для изученія въ академіи была славянофильская философія, особенно—сочиненія *И. Киртєвскаго* и *Хомякова*. Какъ очередное студенческое сочиненіе, представленное профессору философіи, оно заслужило съ его стороны полное одобреніе и № 1-й въ студенческомъ спискѣ.

Однако Зеленогорскій оставался въ духовной академіи только два года и перешелъ въ Казанскій университетъ на историко-филологическій факультетъ въ 1864 году. Въ 1868 году онъ окончилъ полный университетскій курсъ со степенью кандидата и съ серебряною медалью за сочиненіе: «О греческой трагедіи». Представителя каѳедры философіи здѣсь не было почти до окончанія курса Зеленогорскимъ. Поступившій сюда на каѳедру философіи извѣстный профессоръ М. М. Троицкій, не имѣя въ виду

долго оставаться въ Казани, желалъ приготовить себѣ преемника на кафедре философіи. Нѣкоторыми профессорами факультета указанъ былъ проф. Троицкому для этой цѣли Зеленогорскій, который и былъ командированъ къ университету съ 1869 года и слушалъ его лекціи до отъѣзда его изъ Казани.

Съ рвеніемъ принялся Зеленогорскій за свои любимыя занятія по философіи подъ руководствомъ такого извѣстнаго уже въ то время ученаго, какъ проф. Троицкій. Черезъ годъ, въ 1870 году, онъ успѣлъ уже защитить диссертацию *pro venia legendi* на тему: «О методическихъ пріемахъ философскаго мышленія Платона». Послѣ защиты диссертации и утвержденія въ званіи приватъ-доцента факультетъ вошелъ съ ходатайствомъ въ министерство народнаго просвѣщенія о командированіи Зеленогорскаго въ С.-Петербургскій и друг. университеты, гдѣ были представители кафедр философіи, на что послѣдовало разрѣшеніе министерства на одинъ годъ.

Въ С.-Петербургѣ онъ, по совѣту представителей кафедры философіи — протоіерея Сидонскаго и Владиславлева немедленно приступилъ къ написанію магистерской диссертации: «Ученіе Аристотеля о душѣ въ связи съ ученіемъ о ней Сократа и Платона», которая и была напечатана въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1871 году. Въ то же время Высочайшимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія отъ 16 марта 1871 года онъ командированъ былъ за границу на два года.

За границу Зеленогорскій слушалъ Целлера, Лянге, извѣстнаго автора «Исторіи матеріализма», Дробиша и друг., изучалъ Шопенгауэра и Гартмана; вмѣстѣ съ тѣмъ готовился къ магистерскому экзамену, на что раньше не имѣлъ времени, и собиралъ матеріалы для новаго историческаго труда по логикѣ. Дѣло въ томъ, что проф. Троицкій, увлеченный англійскимъ эмпиризмомъ, слишкомъ сильно налегалъ какъ въ своихъ учено-философскихъ трудахъ, такъ и на лекціяхъ на исключительности индуктивнаго метода, какъ единственно научнаго метода; то же направленіе преобладало въ то время и въ русской научной литературѣ и въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ. Въ виду этого Зеленогорскій обратился къ историческому изученію развитія философскихъ и научныхъ методовъ. Это изученіе впослѣдствіи привело его къ тому заключенію, что и другіе методы, особенно методъ Декарта, съ одинаковымъ правомъ должны быть названы строго научными; раньше (во второй половинѣ XVII вѣка и въ XVIII вѣкѣ) методъ Декарта преобладалъ въ естественно-научныхъ изслѣдованіяхъ: математика, механика, физика и друг. — громадными своими успѣхами въ указанное время обязаны были по преимуществу методу Декарта.

По возвращеніи изъ-за границы Зеленогорскій въ апрѣлѣ 1873 года выдержалъ магистерскій экзаменъ въ Варшавскомъ университетѣ, а въ сентябрѣ того же года защитилъ въ томъ же университетѣ магистерскую диссертацию, написанную и напечатанную, какъ сказано выше, въ С.-Петербурѣ. Въ январѣ 1874 года попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа утвержденъ, по выбору факультетета и совѣта университета, доцентомъ по кафедрѣ философіи, которая въ Харьковскомъ университетѣ оставалась не занятой 10 лѣтъ послѣ открытія ея по уставу 1863 года.

Въ первое время молодому доценту не легко было одному справиться съ столь серьезными обязательными курсами, какъ исторія древней и новой философіи, логика и психологія, тѣмъ не менѣе, благодаря собранному за границей научному историческому матеріалу, онъ имѣлъ возможность напечатать въ 1877 году диссертацию подъ заглавіемъ: «О математическомъ, методическомъ, индуктивномъ и критическомъ методахъ изслѣдованія и доказательства» (изъ исторіи и теоріи методовъ изслѣдованія и доказательства), которую представилъ въ Московскій университетъ для публичной защиты на степень доктора философіи. Защита диссертации послѣдовала въ февралѣ 1878 года. Въ томъ же году, по избраніи совѣтомъ, утвержденъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ. Въ 1880 году былъ избранъ и утвержденъ секретаремъ историко-филологическаго факультета на три года. Въ 1882 году былъ избранъ совѣтомъ университета и утвержденъ министромъ ординарнымъ профессоромъ.

Въ 1885 году напечатано имъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Очеркъ развитія психологіи съ Декарта до настоящаго времени». Оно представляетъ собою тотъ же интересъ, какъ и предыдущее, и вызвано тѣмъ же одностороннимъ направленіемъ проф. Троицкаго и въ области психологическихъ изслѣдованій. Въ этомъ сочиненіи Зеленогорскій показалъ, что въ исторіи науки одновременно развивались два научныя направленія: одно—эмпирическое, которое ограничивалось исключительно самонаблюденіемъ и анализомъ сознательной жизни человѣка, другое обратило вниманіе на бессознательную психическую жизнь; первое изучало по преимуществу ассоціаціи идей, ихъ принципы и законы, а также привычки, какъ слѣдствіе ассоціацій, постоянно повторяющихся; второе отмѣтило рефлексы, стремилось доказать существованіе врожденныхъ идей (Декартъ) или, по крайней мѣрѣ,—бессознательныхъ перцепцій, какъ простѣйшихъ элементовъ психическихъ (Лейбницъ), обратилось къ изученію инстинктовъ, темпераментовъ, прироченныхъ индивидуальныхъ способностей и т. д., далѣе постепенно пришло къ признанію необходимости изученія сравнительной психологіи, экспериментальной психологіи и психопатологіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ указанномъ сочиненіи Зеленогорскій старался истори-

чески показать зависимость научных психологических исследований и методов от исследований естественно-научных и методов, сюда относящихся.

Около того времени и еще раньше Зеленогорский интересовался сочинениями Дарвина, изучал сочинения Спенсера и Канта. Ему чужды были материалистические тенденции; как было сказано, он рассчитался с ними еще в духовной академии. Его привлекала идея прогресса и теория развития. Но новый университетский устав 1884 года, по которому преподавание в университете философии сведено было лишь на чтение в аудитории творений Платона и Аристотеля, повернул занятия Зеленогорского в другую сторону: он снова перешел к изучению классической древне-греческой философии. К этому времени относится целый ряд статей, сюда относящихся, которые печатались в харьковском журнале: «Вѣра и Разумъ»; эти статьи следующие: «Общее обозрѣніе развитія древней греческой философіи до Сократа», «Идеи и діалектика по Платону», «Трагики и софисты», «Циники», «Аристиппъ, основатель гедонизма», «Природа и жизнь по природѣ по Аристотелю». Если в прежних сочинениях Зеленогорский избѣгалъ касаться метафизики и вопросов, сюда относящихся, то в статьях: «Идеи и діалектика по Платону» и «Природа и жизнь по природѣ, по Аристотелю» ясно проглядываютъ симпатіи автора къ ученію Платона и Аристотеля о «божественномъ умѣ» и «цѣлесообразности въ природѣ». Печатаніе этихъ статей окончилось в 1891 году. В 1893 году на годовичномъ актѣ университета произнесена была имъ рѣчь, о которой слѣдуетъ здѣсь сказать въ виду характеристики его философскаго міровоззрѣнія. Эта рѣчь носитъ заглавіе: «Общая характеристика движенія философіи въ послѣдніе три вѣка въ ея главнѣйшихъ направленіяхъ». Здѣсь авторъ выразилъ свой взглядъ на ходъ развитія новоевропейской философіи; ни дуализмъ Декарта, выродившійся въ дальнѣйшемъ развитіи, съ одной стороны, въ пантеизмъ Спинозы, съ другой — въ матеріализмъ французскихъ философовъ XVIII вѣка, ни дуализмъ Канта, поведшій за собою развитіе пантеистическаго идеализма, — не встрѣтили сочувствія со стороны автора; его симпатіи была на сторонѣ самостоятельности и саморазвитія индивидуума, а также самостоятельности и саморазвитія націй въ противоположность пантеизму и космополитизму. Такимъ образомъ, и въ развитіи новоевропейской философіи Зеленогорский усматриваетъ два направленія, но второе направленіе онъ видитъ не въ Бэконѣ, какъ дѣлаютъ другіе, такъ какъ Бэконъ не былъ самостоятельнымъ и оригинальнымъ метафизикомъ, а въ Лейбницѣ, направленіе котораго онъ противопоставляетъ направленію Декарта. Рядомъ съ этимъ онъ отнюдь не склоненъ признать за Кантомъ ту роль

реформатора въ философіи, которую приписываютъ ему другіе. Въ его философіи онъ видитъ лишь возвращеніе къ дуализму Декарта.

Другіе же литературно-философскіе труды Зеленогорскаго не состоятъ въ связи съ предыдущими и вызваны внѣшними обстоятельствами. Такова его статья подъ заглавіемъ: «Философія Григорія Саввича Сковороды, украинскаго философа XVIII столѣтія», напечатанная въ «Вопросахъ философіи и психологіи», журналѣ московскаго психологическаго Общества, а также рѣчь, посвященная памяти Г. С. Сковороды. Та и другая написаны по поводу столѣтней годовщины со дня смерти Сковороды¹⁾; послѣдняя, т. е. рѣчь, напечатана въ «Запискахъ Харьковскаго университета» за 1895 годъ. Другія статьи того же рода относятся къ «Матеріаламъ для исторіи Харьковскаго университета», собраніе которыхъ предпринято университетскою комиссіей въ виду приближающагося столѣтняго юбилея Харьковскаго университета. Сюда относится прежде всего статья подъ заглавіемъ «Вліяніе натурфилософіи Шеллинга», въ которой изложено содержаніе двухъ актовыхъ рѣчей профессора — медика и адъюнкта — естествовника, составленныхъ подъ вліяніемъ основныхъ принциповъ натурфилософіи Шеллинга; затѣмъ слѣдуютъ статьи о Шада, первомъ представителѣ катедры философіи въ Харьковскомъ университетѣ (съ 1805 г. по 1817 годъ): «Біографія И. Г. Шада» (Записки Харьк. университета за 1896, годъ кн. 2), «Логика» Шада; изложены содержаніе и анализъ ея (Вопросы философіи и психологіи за 1895 г., мартъ и ноябрь), «Institutiones juris naturae (Естественное право)» Шада; изложены содержаніе и анализъ первой части сочиненія (Записки Харьковскаго университета за 1900 годъ).

Въ 1899 году Зеленогорскій, за выслугою 30 лѣтней службы, отчисленъ за штатъ съ пенсією и званіемъ заслуженнаго ординарнаго профессора. Съ этого года онъ перешелъ къ иному рода преподавательской и научно-литературной дѣятельности. Въ университетѣ сталъ онъ читать исторію и теорію педагогики въ качествѣ необязательныхъ курсовъ для студентовъ историко-философскаго факультета. Педагогика и ея исторія занимали его гораздо раньше частію по связи педагогики съ философскими науками, особенно — съ психологією и логикою, частью по сознанію неудовлетворительности преподаванія и обученія въ среднихъ школахъ, которое онъ не разъ выносилъ изъ непосредственнаго наблюденія на экзаменахъ на аттестатъ зрѣлости въ разныхъ гимназіяхъ, куда онъ посылаемъ былъ въ качествѣ депутата отъ учебнаго округа. Еще будучи доцентомъ, онъ принялъ на себя преподаваніе теоріи словесности въ одномъ частномъ женскомъ пансіонѣ, имѣя въ виду, между про-

¹⁾ Юбилей праздновался въ 1894 году.

чимъ, сдѣлать приложеніе на практикѣ логики, ея правилъ и законовъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого онъ былъ приглашенъ во 2-ю Харьковскую женскую гимназію для преподаванія той же теоріи словесности, гдѣ также занимался нѣсколько лѣтъ; здѣсь же преподавалъ два года теорію педагогики. Между прочимъ, результатомъ этихъ занятій было изданіе въ 1887 году учебника по теоріи словесности (Теорія словесности. Курсъ первый; проза. Опытъ учебника для среднихъ учебныхъ заведеній, составленный по *новой методѣ*). Одобрительный отзывъ объ этомъ учебникѣ напечатанъ былъ отъ ученаго комитета министерства народн. просвѣщ. въ Журналѣ Министерства Народн. Просвѣщ. Далѣе, когда самимъ министерствомъ поднятъ былъ вопросъ о преобразованіи среднихъ учебныхъ заведеній, Зеленогорскимъ была напечатана въ Журналѣ М. Н. Просв. статья подъ заглавіемъ: «Самодѣтельность, какъ принципъ въ воспитаніи». Когда въ совѣтѣ г. попечителя учебного округа разсматривался проектъ педагогическихъ семинарій, имъ представлена была въ одномъ изъ засѣданій записка о преподаваніи педагогики и ея исторіи въ этихъ семинаріяхъ. Послѣ разсмотрѣнія въ томъ совѣтѣ «Проекта учебного плана средней общеобразовательной школы» имъ напечатана въ Харьковскомъ журналѣ: «Мирный Трудъ» статья подъ заглавіемъ: «Пробѣлъ въ учебномъ планѣ средней общеобразовательной школы», гдѣ онъ говоритъ о необходимости знакомить учениковъ старшихъ классовъ средней школы съ рациональными началами и доказательствами правилъ нравственной жизни. Въ связи съ этою статьею напечатана имъ тамъ же другая статья: «О преподаваніи философіи въ университетѣ» (за 1902 годъ). Кромѣ лекцій по педагогикѣ и ея исторіи, читанныхъ въ университетѣ, онъ читалъ еще лекціи по педагогикѣ на «женскихъ научно-педагогическихъ курсахъ».

О. А. Зеленогорскій.

Лейкфельдъ Павелъ Эмиліевичъ, ординарный профессоръ по кафедрѣ философіи, докторъ философіи, православнаго вѣроисповѣданія, сынъ отставнаго офицера, родился въ 1859 году въ имѣніи матери своей при деревнѣ Павловкѣ Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. Въ 1871 году поступилъ во 2-ю Харьковскую гимназію. Окончивъ тамъ въ 1878 году курсъ съ золотою медалью, зачислился въ Харьковскій университетъ студентомъ по историко-филологическому факультету. Въ 1881 году за сочиненіе на данную факультетомъ тему «Логическія ученія Герберта Спенсера» награжденъ золотою медалью. По окончаніи курса оставленъ съ 1-го января 1884 года стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ философіи. Выдержавъ въ 1885—86

академическомъ году экзаменъ на степень магистра и прочитавъ въ началѣ слѣдующаго учебнаго года пробныя лекціи, 1-го ноября 1886 г. допущенъ къ чтенію лекцій въ качествѣ приватъ-доцента и началъ свою преподавательскую дѣятельность въ университетѣ со 2-го полугодія 1886/87 года. Въ слѣдующемъ академическомъ году ему было поручено чтеніе обязательныхъ для студентовъ курсовъ по философіи, и порученіе это ежегодно затѣмъ возобновлялось. По защитѣ въ 1891 году диссертациі «Различныя направленія въ логикѣ и основныя задачи этой науки», утвержденъ совѣтомъ Варшавскаго университета въ степени магистра философіи. 27 февраля 1893 года назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по кафедрѣ философіи. Въ 1897 году защитилъ въ Харьковскомъ университетѣ диссертацию на степень доктора, подъ заглавіемъ: «Логическое ученіе объ индукціи въ главнѣйшіе историческіе моменты его разработки», и удостоенъ искомою степенью. Въ томъ же году утвержденъ въ должности экстраординарнаго профессора, а 24 іюня 1899 года назначенъ ординарнымъ профессоромъ. Въ 1904 году командированъ былъ съ Высочайшаго соизволенія за границу для участія во второмъ международномъ философскомъ съѣздѣ въ Женевѣ.

Курсы, читанные П. Э. Лейкфельдомъ въ Харьковскомъ университетѣ: 1) философія Платона; 2) философія Аристотеля; 3) психологія; 4) логика; 5) исторія древней философіи; 6) исторія новой философіи; 7) Федонъ Платона; 8) Парменидъ Платона; 9) Горгій Платона; 10) Никомахова этика Аристотеля; 11) первая аналитика Аристотеля; 12) о душѣ Аристотеля. Изъ нихъ курсы по психологіи, логикѣ, исторіи древней философіи и исторіи новой философіи литографировались студентами съ разрѣшенія профессора.

Ученые труды П. Э. Лейкфельда: 1) Нѣсколько словъ о Сократѣ и утилитаризмѣ. 1889. 2) Различныя направленія въ логикѣ и основныя задачи этой науки. Харьковъ. 1890. 3) Къ ученію Аристотеля о безсмертіи души. 1890. 4) Къ Аристотелю. Anal. pr. II, 23 p. 68 v. 15—29 (Филологическое Обзорѣіе. 1892). 5) Логическое ученіе объ индукціи въ главнѣйшіе историческіе моменты его разработки (Журналъ Народнаго Просвѣщенія за 1895—1896 г.г.). 6) Zur logischen Lehre von der Induction. Geschichtliche Untersuchungen (Archiv für Geschichte der Philosophie. Bd. VIII, 1, 3; XI, 3). 7) Математическая формула для опредѣленія вѣроятности гипотезъ въ ея приложеніи къ научнымъ построеніямъ (Зап. Императорскаго Харьковскаго университета. 1898). 8) А. С. Пушкинъ въ музыкѣ. 1899.

П. Э. Лейкфельдъ.